О ЗАСЛУГАХЪ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА

ТРОИЦКО-СЕРГІЕВОЙ

ЛАВРЫ

ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ОСЕТИНА БОРИСА ГАТІЕВА.

МОСКВА.
1871.

О ЗАСЛУГАХЪ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВА

ТРОЙЦКО-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ

ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ
ОСЕТИНА БОРИСА ГАТІЕВА.

МОСКВА.
Типо-литографія Ивана Ив. Смирнова, въ Столешниковомъ переулкѣ.
1871.

Дозволено Цензурою. Москва, Декабря 3 дня 1870 г.

О заслугахъ для отечества Свято-Троицкой-Сергіевой Лавры въ смутное время.

Было время, когда мирная Свято-Троицкая Сергіева Лавра, посѣщаемая теперь многочисленными поклонниками со всѣхъ краевъ обширной земли, ищущими здѣсь духовныхъ дарованій отъ молитвъ угодника Божія, назиданія себѣ и освященія, была центромъ политическихъ и военныхъ дѣлъ Россіи. Въ смутное время Самозванцевъ и междуцарствія Обитель преподобнаго Сергія явилась якоремъ спасенія для всей земли Русской, оплотомъ гражданственной и религіозной свободы народа русскаго, охранительницей ея національности. Своими подвигами въ это время Лавра Сергіева стяжала себѣ вѣчную память въ исторіи, уваженіе всего народа русскаго. Посему мы намѣрены обозрѣть заслуги Лавры въ это смутное время. Лавра Преподобнаго Сергія могла совершить эти подвиги потому, что она имѣла въ себѣ залогъ внутренней силы. Посему мы должны предварительно обозрѣть предшествующую судьбу и ея значеніе для Россіи прежде смутнаго времени. Тогда понятнѣе будетъ и то великое служеніе, какое совершила Лавра въ смутное время.

Около половины XIV столѣтія видимо обратила на себя вниманіе Церкви и государства между обителями сѣверо-восточной Россіи обитель, основанная во имя Живоначальныя Троицы пр. Сергіемъ, не подалеку отъ столичнаго города Москвы. Слава о строгой пустыннической жизни и чудесахъ,

которыя совершалъ пр. Сергій, обратила сердца и мысли всѣхъ къ этой обители. Великій Іерархъ церкви россійской, св. Алексій и великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской первые обратили на нее свои взоры, первые нашли въ ней опору для Россіи: они приблизили къ себѣ св. Сергія, совѣтовались съ нимъ и поручали ему дѣла церковной и государственной важности. Такимъ образомъ, когда требовалось для блага церкви и государства помирить двухъ братьевъ, князей Суздальскихъ, Бориса и Димитрія, великій князь и св. Алексій, послѣ напрасныхъ своихъ стараній склонить этихъ къ миру, нашли полезнымъ употребить въ этомъ дѣлѣ посредничество пр. Сергія. Св. Сергій (1365 года) дѣйствительно отправился въ Нижній и тамъ мѣрами духовными заставилъ Бориса „смириться“ [1]).—По волѣ великаго князя и святителя, св. старецъ (1386 г.) ходилъ также въ Рязань для убѣжденія безпокойнаго и вѣроломнаго Олега Рязанскаго прекратить ссору съ Москвою. Князь Олегъ устыдился тихихъ и кроткихъ рѣчей св. мужа, забылъ свою вражду и заключилъ съ Московскимъ княземъ „вѣчный миръ“ [2]). Такимъ образомъ, примиряя удѣльныхъ князей съ Москвою, пр. Сергій тѣмъ самымъ способствовалъ возвышенію Московскаго государства. Вѣра въ силу молитвы Богоноснаго старца въ народѣ русскомъ была сильна. Еще (1380 г.) во время нашествія на Россію Мамая, великій князь не прежде рѣшился выдти противъ него какъ тогда, когда принялъ благословеніе у игумена обители Живоначальныя Троицы. Сопутствуемый всѣми князьями и воеводами, онъ отправился въ обитель; Сергій благословилъ и укрѣпилъ Димитрія на войну такими словами: „должно тебѣ, Государь, пещись о врученномъ тебѣ отъ Бога христоименитомъ стадѣ; иди противъ безбожныхъ татаръ; съ помощію Божіею получишь побѣду и возвратишься здоровымъ и съ великими похвалами съ поля битвы“; [3]) при этомъ далъ ему въ сподвижники двухъ иноковъ Пересвѣта и Ослябя. Ободренный князь двинулся на

[1]) Истор. Росс. Солов. т. III. стр. 335.
[2]) Тамъ же стр. 366.
[3]) Рукоп. жит. Серг. Рад. стр. 296.

поле битвы; но приближаясь къ Дону, онъ, при видѣ превосходства силъ непріятельскихъ, началъ колебаться недоумѣніемъ: «на что ему рѣшиться». Въ минуту этой нерѣшимости явился къ нему посланный отъ пр. Сергія, съ писаніемъ, въ которомъ богоносный старецъ, благословляя его на битву, совѣтовалъ не терять присутствія духа: «безъ всякаго сомнѣнія,—писалъ пр. Сергій,—идти смѣло противъ невѣрныхъ, и нисколько ихъ не бояться, вполнѣ надѣясь на помощь Божію [1])». Снова ободренный, великій князь рѣшился на битву и на полѣ Куликовомъ одержалъ блестящую побѣду, которая сдѣлалась началомъ освобожденія Россіи отъ ига монгольскаго. Возвратясь въ Москву, Димитрій, увѣренный въ томъ, что побѣда, одержанная имъ надъ Монголами, дана ему отъ Бога по молитвамъ пр. Сергія, поспѣшилъ въ обитель и вмѣстѣ съ преподобнымъ возблагодарилъ милостиваго Бога. Участіе пр. Сергія мы видимъ и въ другихъ дѣлахъ государственной важности. Оставляя, по случаю тяжкой болѣзни, послѣ себя завѣщаніе, въ которомъ вводился неслыханный до сихъ поръ, но благодѣтельный порядокъ наслѣдованія престола послѣ отца сыну, мимо другихъ лицъ, старшихъ въ родѣ, великій князь испросилъ на него благословеніе пр. Сергія, который подписался свидѣтелемъ сей духовной грамоты. Такимъ образомъ охраненіе такого важнаго государственнаго постановленія Провидѣніемъ ввѣрено было преподобному Сергію [2]). Любовь князя Димитрія къ св. Сергію была такъ велика, что онъ имѣлъ преподобнаго воспріемникомъ своихъ дѣтей отъ купели [3]). Святитель Алексій, приближаясь къ кончинѣ дней своихъ, искренно желалъ имѣть, выражаясь словами покойнаго Филарета, митрополита Московскаго, «сего великаго свѣтильника церкви и отечества, высшаго свѣчника» преемникомъ своимъ на престолѣ Всероссійской Митрополіи; поэтому всячески убѣждалъ преподобнаго принять «избраніе». Но богоносный старецъ, желая свѣтить изъ пустыни, а не

---

[1]) Тамъ-же стр. 297.

[2]) Истор. опис. св. Тр. Серг. Лавр. стр. 54, прим. 6.

[3]) Тамъ-же стр. 54.

съ престола, Церкви и государству, отклонилъ отъ себя избраніе, говоря: «выше моея мѣры, еже глаголеши» [1]). Совѣтами и наставленіями смиреннаго Сергія пользовались и другія духовныя лица, стоявшія на высшихъ іерархическихъ степеняхъ. Таковы были архіепископъ Пермскій св. Стефанъ, митрополитъ россійскій св. Діонисій [2]) и проч. Послѣднему пр. Сергій оказалъ великую услугу. Будучи еще въ санѣ архіепископа Суздальскаго, св. Діонисій впалъ въ немилость великаго князя, который заключилъ его въ темницу, и освободилъ его оттуда только по ходатайству преподобнаго [3]).

Богоносный старецъ стяжалъ любовь и уваженіе не въ одномъ только своемъ отечествѣ, но и внѣ отечества. Такъ константинопольскій патріархъ Филофей, котораго коснулся слухъ о добродѣтельномъ житіи преподобнаго, прислалъ ему, въ знакъ своего благоволенія, крестъ, парамандъ и схиму, а вмѣстѣ и свое благословеніе ввести въ обители «общежитіе» [4]). Такимъ образомъ начало новаго благодѣтельнаго и благочестиваго порядка для всѣхъ монастырей сѣверо-восточной Россіи суждено было Провидѣніемъ положить въ обители пр. Сергія [5]).

Наконецъ, простой русскій народъ любилъ пр. Сергія тою простодушною любовію, которая свойственна ему: онъ обрѣталъ въ немъ усерднаго богомольца и вѣрнаго заступника; особенно прибѣгали подъ защиту преподобнаго бѣдные, угнетаемые богатыми и сильными землевладѣльцами, и областными управителями. «Нѣкій человѣкъ, говоритъ Епифаній, писатель житія пр. Сергія, живяше близъ обители святаго, имѣя нравъ лихоимства, якоже есть и донынѣ обычай сильнымъ убогихъ обидѣти. Сей насильство сиротѣ сотвори, отъ сосѣдствующихъ ему, сицево отъятъ вепрь питомый на пищу себя, и цѣну не вдаде его;

[1]) Рукоп. жит. пр. Сер. стр. 311.

[2]) Истор. опис. Тр. Сер. Лавр. стр. 54.

[3]) Словарь достопамятн. люд. русск. Земл. т. 2. стр. 221. Руков. къ русск. церк. ист. Пр. Знаменскаго стр. 72.

[4]) Рукоп. жит. пр. Серг. стр. 254.

[5]) Истор. русск. церкв. Филарета, архіеп. Харьков. періодъ второй, стр. 121. Ист. русск. церкв. Макарія т. 4 жит. преп. по Филарету Моск. стр. 326.

но тако заклати повелѣ его. Обидѣнный же притече и припаде къ святому, скорбя и плача, моля его, помощи прося. Милостивая же она душа, имѣя утѣшеніе въ скорбѣхъ, заступая нищихъ, помогая убогимъ, призываетъ онаго насильствующаго, и потязавъ запрети ему... Послѣ этого обидчикъ со страхомъ обѣщался исправиться и дурной свой нравъ перемѣнить на благое житіе, а «обидѣнному отдати цѣну» [1]). Однимъ словомъ, всеобщая любовь, уваженіе и вѣра къ препод. Сергію были такъ велики, что народъ, бояре и князья отвсюду приходили къ нему: одни просили благословенія и молитвъ, другіе обрѣсти его покровительства, иные ради душеспасительныхъ бесѣдъ,—«и преподобный всѣхъ благословляше, и не единагоже тща отсылаше» [2]). Монашествующіе оставляли прежнія свои обители, и приходили подвизаться подъ руководствомъ и наставленіемъ Богоноснаго старца [3]). Такимъ образомъ, обитель Троицкая, еще при первыхъ началахъ, въ лицѣ своего основателя, пользовалась всеобщимъ великимъ уваженіемъ. Это пріобрѣтеніе было важно по своимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ. Любя пр. Сергія, князья, высшія іерархическія лица, бояре и простой народъ были привержены и усердны къ его обители: они съ большою ревностію старались обогащать ее вкладами и дарами для содержанія и украшенія ея [4]). Кромѣ частныхъ пожертвованій, великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской пожаловалъ обители двѣнадцать разныхъ селъ [5]). Жители этихъ селъ, трудясь для обители, способствовали ея внѣшнему величію [6]).

Это высокое значеніе обители было поддерживаемо святостію жизни и трудами (на пользу отечества и церкви) преемниковъ пр. Сергія.

«Имя Никона, ученика и перваго преемника пр. Сергія въ игуменствѣ, его, по святости жизни его, яко священіе нѣкое,

[1]) Р. оп. Серг. стр. 326.

[2]) Тамъ же: игуменство пр. Серг.

[3]) Жит. свят. Сентябрь стр. 480.

[4]) Рукоп. жит. пр. Сергія стр. 279 и 300.

[5]) Словарь достоп. люд. русск. земли т. 5 стр. 38.

[6]) Рук. жит. пр. Никона вмѣстѣ съ жит. пр. Серг. стр. 343.

обносимо»[1]. Ему принадлежитъ та великая заслуга, что онъ, по раззореніи и сожженіи обители Эдигеемъ (въ 1408 г.), и по оставленіи этимъ столицы, собралъ святыхъ иноковъ, которые, по повелѣнію пр. Сергія, удалились на время отъ обители, и создалъ вмѣсто раззоренной и сожженной новую «церковь деревяну, во имя Святыя Живоначальныя Троицы»[2]. Такимъ образомъ трудами его обитель опять была возстановлена,—обитель, на которой были сосредоточены вниманіе и заботы Церкви и государства. Свѣтя благочестіемъ, преп. Никонъ стяжалъ «крѣпкую вѣру и усердіе» всего народа, бояръ, князей удѣльныхъ и великодержавнаго, и тѣмъ самымъ способствовалъ къ возрастанію славы и величія обители[3].

Но вѣнцомъ его заслугъ было то, что онъ изнесъ (5 Іюля 1422 г.) изъ земли чудодѣйственныя мощи пр. Сергія и поставилъ ихъ въ новомъ, созданномъ усердіемъ вѣрныхъ чадъ Церкви, каменномъ храмѣ, во имя «Святыя Живоначальныя Троицы»[4]. Открытіе нетлѣнныхъ мощей и чудеса, отъ нихъ *происходящія*, еще болѣе увеличили славу обители, возбуждая къ ней вѣру и любовь въ вѣрныхъ сынахъ Церкви. Необинуясь можно сказать, что время Никона было временемъ прославленія пр. Сергія. Но и благочестіе и слава о благочестіи и просвѣщеніи другихъ преемниковъ богоноснаго старца много способствовали тому, что обитель сія сіяла въ русской землѣ, какъ «небесное свѣтило».

Сіяя благочестіемъ, они пріобрѣтали уваженіе великихъ князей, дѣлались ихъ духовными отцами и, съ силою дѣйствуя на нихъ, старались своими или увѣщаніями или обличеніями, а иногда духовными угрозами, внушить имъ долгъ правды на судѣ и человѣколюбія. Мы укажемъ здѣсь на нѣкоторые случаи въ этомъ родѣ. Такъ, по просьбѣ великаго князя Василія II Васильевича, пр. Мартиніанъ, во время своего игуменства въ обители, убѣдилъ одного вельможу, удалив-

---

[1]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 57.

[2]) Жит. пр. Никона въ рукоп. вмѣстѣ съ жит. пр. Сергія стр. 623.

[3]) Тамъ же стр. 343.

[4]) Рук. жит. пр. Никон. вмѣстѣ съ ж. пр. Серг. стр. 340.

шагося къ Тверскому князю, возвратитьсякъ прежнему своему государю, обѣщавъ ему, по слову великаго князя, «сугубую честь». Но бояринъ, вмѣсто чести, былъ заключенъ въ оковы. Ревнуя по правдѣ, пр. Мартиніанъ, обличивъ нарушеніе даннаго слова, сказалъ великому князю: «не буди мое, грѣшнаго, благословеніе на тебѣ и на твоемъ великомъ княженіи». Устыдившись строгихъ словъ духовнаго отца, Василій просилъ у него прощенія и поспѣшилъ снять опалу съ вельможи [1]. Другой примѣръ: великій князь Василій III Іоанновичъ держалъ около двухъ лѣтъ князя Путивльскаго, Василія, внука Димитрія Шемяки, и не хотѣлъ сложить съ него опалы. Во время посѣщенія имъ обители святаго (1525 г.), игуменъ Порфирій, душевно болѣзнуя о заключенномъ въ темницѣ, обратился къ нему съ словами рѣзкаго обличенія: «если ты, обличалъ Порфирій, пріѣхалъ въ храмъ Безконечныя Троицы съ тѣмъ, чтобы испросить себѣ прощеніе: то будь напередъ самъ милосердъ къ гонимымъ безъ правды». Рѣзкая правда подѣйствовала на князя и заключенный въ темницу былъ освобожденъ [2]. Не можемъ пройти молчаніемъ еще одинъ случай. Въ 1482 г. Геронтій, митрополитъ Московскій, по болѣзни оставилъ митрополію и уѣхалъ въ Симоновъ монастырь. Недовольный имъ упомянутый великій князь хотѣлъ назначить ему въ преемники Троицкаго игумена Паисія; но Геронтій, выздоровѣвши, старался удержать за собою престолъ. Тогда Василій обратился за совѣтомъ къ тому, кому уже предлагалъ митрополію: «можетъ ли митрополитъ,—спрашивалъ онъ Паисія,—снова занимать престолъ, отъ котораго отказался?» Паисій объявилъ, что можетъ, и объявилъ также, что самъ не соглашается быть избраннымъ на митрополію, и примирилъ великаго князя съ митрополитомъ [3]. Такимъ именно образомъ достойные преемники пр. Сергія старались поддерживать славу его обители. Уважаемые великими князьями, митрополитами и народомъ за благочестивую жизнь и ревность по

[1]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 60.
[2]) Курбск. част. 1 стр. 118—170.
[3]) Истор. Росс. Солов. т. 5 ист. опис. С. Лавр. стр. 63.

правдѣ, многіе изъ нихъ, въ эпоху до-смутнаго времени, были возведены на высшія іерархическія степени и, въ этомъ званіи, оказали Церкви и отечеству неоцѣненныя услуги. Для примѣра мы укажемъ здѣсь на епископа Ростовскаго Вассіана и митрополита Московскаго Симона. Первый, когда (1480 г.) почти вся Россія пришла въ великое смятеніе и страхъ вслѣдствіе слуха, что Ахматъ, ханъ золотой орды, идетъ съ несмѣтными своими полчищами опустошать Русскую землю,— одинъ сохранилъ присутствіе духа и явилъ себя спасителемъ отечества и вѣры. Объятый страхомъ, великій князь Іоаннъ III Васильевичъ спрашивалъ духовенство и бояръ: противостоять ли сильному и ужасному врагу? «Смертнымъ ли бояться,—сказалъ ободрительнымъ голосомъ Вассіанъ,—смерти? Я старъ и слабъ, но не убоюся меча татарскаго и не отвращу лица моего отъ его блеска». Вышедъ противъ непріятеля, великій князь съ войсками своими стоялъ предъ нимъ, на берегахъ Угры, въ большомъ страхѣ и недоумѣніи: на что рѣшиться? Узнавъ объ этомъ, Вассіанъ поспѣшилъ въ особомъ своемъ посланіи изъ Москвы напомнить Іоанну объ обѣтѣ его стоять за русскую землю и православную вѣру «крѣпко и непоколебимо». «Наше дѣло,—писалъ онъ къ Іоанну,—говорить царямъ истину: что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ, о томъ и нынѣ пишу, желая утвердить твою душу и державу. Когда ты, внявъ моленію и доброй думѣ митрополита, поѣхалъ изъ Москвы къ воинству съ намѣреніемъ ударить на врага христіанскаго: мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали къ алтарямъ Всевышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь побѣдою. Что же слышимъ? Ахматъ приближается, губитъ христіанство: грозитъ тебѣ и отечеству: ты предъ нимъ уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ нему пословъ, а нечестивый дышетъ гнѣвомъ и презираетъ твое моленіе. Государь! какимъ совѣтамъ внимаешь?—людей, недостойныхъ имени христіанскаго. И что совѣтуютъ? повергнуть ли щиты, обратиться въ бѣгство? Но помысли, отъ какой славы и въ какое униженіе низводятъ они твое величество! предать землю русскую огню

и мечу, церкви раззоренію, тьмы людей погибели! О государь! кровь паствы вопіетъ на небо, обвиняя пастыря. Неужели хочешь явиться бѣглецомъ и носить имя предателя отечества? Отложи страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ крѣпости Его! Поревнуй предкамъ своимъ: они не только землю русскую хранили, но и многія иныя страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владиміра, коихъ данники были цари Греческіе, и Владиміра Мономаха, ужаснаго для половцевъ; а прадѣдъ твой великій, хвалы достойный, Димитрій, не сихъ ли невѣрныхъ татаръ побѣдилъ за Дономъ?— Усердно молимъ мы Бога, да возставитъ намъ тебя государя, яко древле Моисея, Іисуса и другихъ, освободившихъ израиля, да и новый израиль, земля русская, освободится тобою отъ нечестиваго Ахмата, новаго фараона: Ангелы снидутъ съ небесъ въ помощь твою; Господь пошлетъ тебѣ отъ Сіона жезлъ силы, и одолѣеши враговъ, и смятутся, и погибнутъ». По прочтеніи этого посланія, великій князь «исполнился,— говоритъ лѣтопись,—веселія, мужества и крѣпости». Ахматъ, видя мужество русскихъ, возвратился назадъ, не причинивъ вреда русской землѣ. Такимъ образомъ, стараніями Вассіана, освобождена Москва и половина Россіи отъ татарскаго раззоренія [1]).

Второй святитель явилъ себя ревностнымъ труженикомъ Церкви. Такъ, великій князь Іоаннъ III на соборѣ, основанномъ въ 1503 г., хотѣлъ отобрать у духовенства его церковное достояніе. Отнимая у духовенства недвижимое имущество, Іоаннъ тѣмъ самымъ лишалъ его существенной поддержки. Сознавая это, м. Симонъ вступился за духовенство и, опираясь на всегдашній примѣръ церкви, доказалъ великому князю, что церковь, ни въ какомъ случаѣ, не должна лишиться своихъ вотчинныхъ владѣній, которыя она пріобрѣла вѣками. «Отъ равноапостольнаго великаго царя Константина до позднѣйшихъ временъ,—писалъ святитель къ Іоанну,—вездѣ святители и монастыри держали грады, власти и села: ни-

¹) Рукев. къ русск. церк. истор. Пр. Знаменскаго, стр. 133. Ист. гос. Росс. т. VI, стр. 146—157. Слов. истор. о росс. писателяхъ дух. чина, ч. I стр. 68.

когда соборы св. отцевъ не запрещали сего; запрещали имъ единственно продавать недвижимое достояніе». Доказывая, что церковь имѣетъ вотчины издавна, Симонъ вопрошаетъ такъ: «не святый ли Владиміръ, не Великій ли князь Ярославъ сказали въ уставѣ своемъ: кто захватитъ изъ дѣтей или потомковъ моихъ церковное достояніе и десятины святительскія, да будетъ проклятъ въ сей вѣкъ и будущій. Самые злочестивые цари ордынскіе, боясь Господа, щадили собственность монастырскую и святительскую: не смѣли двигнути вещей недвижимыхъ...... Итакъ не дерзаемъ и не благоволимъ отдать церковнаго стяжанія: ибо оно есть Божіе и неприкосновенно» [1]. Убѣжденный князь не сталъ упорствовать.

Охраняя интересы Церкви, святитель заботился и объ излеченіи ея нравственныхъ недуговъ. Въ его время нѣкоторые вдовые священники и діаконы своимъ поведеніемъ возбуждали въ народѣ ропотъ и негодованіе. Святитель мѣрами духовными постарался устранить безпорядки [2]). Но ревностнѣе всего м. Симонъ заботился о цѣлости православія, которой угрожала усилившаяся тогда ересь жидовствующихъ, произведшая въ нѣдрахъ Церкви столько зла и нестроеній. Для искорененія ея святитель созвалъ 1503 г. соборъ и на немъ осудилъ еретиковъ, изъ коихъ главные были сожжены всенародно въ «клѣткѣ». Эта мѣра ослабила ересь такъ, что она уже не могла, по крайней мѣрѣ, показываться открыто [3]).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что таковыя услуги могли оказывать Церкви и государству и другіе іерархи, вышедшіе изъ этой обители. Ихъ благочестивая жизнь и дѣятельность не могли не возбуждать въ народѣ русскомъ чувства любви и уваженія къ нимъ, а чрезъ нихъ, такъ сказать, и къ самой обители. Огромная нравственно-религіозная сила, которую явила въ себѣ обитель въ эпоху до-смутнаго времени, имѣла спасительное вліяніе на всю русскую религіозность вообще.

---

[1]) Ист. госуд. Росс. Сол. т. VI стр. 202—361 и примѣч. къ VII т. ист. русск. церкв. пер. 2 стр. 31 Рук. къ русс. цер. ист. стр. 155.

[2]) Истор. госуд. Росс. Карамз. т. VI стр. 256.

[3]) Біогр. дьяка Курицына—въ Каз. Универс. библіот.

Она располагала благочестивыхъ людей къ аскетической жизни. Сами великіе князья не рѣдко подъ вліяніемъ этой силы изъявляли желаніе, по крайней мѣрѣ, предъ концомъ жизни принять иноческій образъ. Такой примѣръ мы видимъ въ великомъ князѣ Василіѣ III Іоанновичѣ. Самый обрядъ пострижёнія надъ нимъ совершили игуменъ Іоасафъ и келарь Серапіонъ [1]). Вліяніе обители отразилось и въ жизни высшихъ іерархическихъ особъ; епископы, архіепископы и митрополиты, вышедшіе изъ ея лона и изъ другихъ монастырей сѣверо-восточной Руси, старались подъ старость достигнуть ея стѣнъ и сложить въ ней свои кости [2]).

Но, главнымъ образомъ, распространителемъ славы этой обители былъ самъ преп. Сергій. Привлекши вниманіе благочестивыхъ людей къ ней еще во время своей земной жизни, онъ, и по отшествіи своемъ, своими чудесами возбуждалъ къ ней вѣру и любовь всѣхъ. Еще 1521 г.—въ Февралѣ мѣсяцѣ—Москва была спасена отъ татарскаго раззоренія заступленіемъ пр. Сергія [3]). Такія и многія другія чудеса его были свѣжи въ памяти русскаго народа. Возбужденный народъ чудесами Сергія не могъ не обращать мысли и взоры свои къ нему, а чрезъ него и къ его обители. Ведя борьбу съ врагами христіанства, великіе князья успѣхи свои приписывали молитвамъ Сергія, а въ молитвахъ своихъ къ нему не иначе называли его, какъ «заступникомъ русской земли». Исторія сохранила разительныя доказательства на то, какъ велика была вѣра и уваженіе князей и народа къ этой обители и ея подвижникамъ. «Вашими молитвами, — говорилъ Василій III игумену Скрипицыну,—далъ мнѣ Богъ сына, я крестилъ его у чудотворца, поручилъ его ему, положилъ ребенка на раку преподобнаго, вамъ, отецъ, я своего сына на руки отдамъ» [4]).

Жизнь Іоанна IV Васильевича Грознаго представляетъ, если можно такъ выразиться, отпечатлѣніе этой всеобщей великой

---

[1]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 68.
[2]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 37—79.
[3]) Тамъ же стр. 66.
[4]) Истор. Росс. Солов. т. V стр. 429.

вѣры къ обители и ея основателю. Неукротимый гнѣвъ его не разъ смягчался въ ней. Достаточно припомнить изъ его жизни знаменитый походъ его на Казань. Въ немъ выразилась вѣра Іоанна Грознаго и всего народа къ заступнику земли русской, и видно участіе обители въ событіи, имѣвшемъ громадное значеніе въ отечественной исторіи. Возбужденный чудесными явленіями пр. Сергія въ мусульманскомъ мірѣ, обратившими множество татаръ къ Христовой вѣрѣ, Грозный рѣшился покорить страшную Казань [1]). Устроивъ предварительно походную церковь во имя пр. Сергія, онъ пѣшій изъ Москвы отправился въ обитель преп. Сергія и нѣсколько дней сряду молился у мощей преподобнаго, прося его заступленія. Укрѣпившись вѣрою въ помощь Сергія, царь—1552 г.—выступилъ въ походъ [2]). Прибывъ къ Казани, Іоаннъ былъ извѣщенъ о явленіи Сергія мусульманамъ, которые видѣли на стѣнахъ своихъ небеснаго старца [3]). Ободренный этимъ обстоятельствомъ, Грозный велѣлъ штурмовать городъ, оставаясь самъ въ походной церкви Сергія для возношенія къ нему молитвы [4]). Въ минуту рѣшительной битвы къ нему явился изъ Сергіевой обители съ крестомъ и образомъ явленія Божіей Матери пр. Сергію, святою водою и просфорою инокъ Адріанъ Ангеловъ. Какъ только царь принялъ святыни изъ рукъ инока, къ нему явились съ вѣстію о взятіи Казани и освобожденіи 60,000 русскихъ плѣнныхъ. Обрадованный этою вѣстію, Грозный припалъ къ образу Сергія и пролилъ радостныя слезы [5]). По взятіи Казани, царь, въ знакъ своего благоговѣнія къ заступнику русской земли, основалъ во имя его монастыри въ Свіяжскѣ и Казани [6]). За всѣмъ тѣмъ онъ (28 Октября) поспѣшилъ въ обитель, и въ ней изъ глубоко восторженной души его вылились слова, дышащія пламенною любовію и цѣлоко-

[1]) Ист. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 70.

[2]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 71. Руков. къ русск. цер. ист. пр. Зн. стр. 129. Ист. русс. церкв. Филар. періодъ 3 стр. 43.

[3]) Руков. къ русск. церк. ист. стр. 129.

[4]) Истор. Росс. Солов. т. VI стр. 108—111.

[5]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 71 ист. Рос. Сол. 7 в. стр. 108—111.

[6]) Ист. опис. Тр. Сер. Лавр. стр. 71 и истор. Казани.

любимою вѣрою къ пр. Сергію. «Твоими молитвами,—молился Грозный Сергію,—къ общему всѣхъ Владыкѣ Христу мы получили желаемое; совершилось, чего и не чаяли: ты явилъ свое дивное милосердіе, заступникъ земли русской,—и вотъ мы, послѣ долговременной скорби, теперь двумя радостями веселимся»[1]). Другая радость была та, что у царя родился первый сынъ, Димитрій[2]). Такимъ образомъ, при содѣйствіи сильнаго заступника земли русской, Казань, доселѣ страшная для Руси, была покорена, и что всего важнѣе, открытъ путь для проповѣди Евангелія къ обширному Востоку. Во время кровавыхъ междоусобицъ гонимые находили въ этомъ монастырѣ убѣжище отъ неминуемой смерти: ужасная месть смягчалась во имя пр. Сергія[3]). Имѣя такое громадное вліяніе на всю Русь, обитель тѣмъ самымъ стягивая ее къ одному главному центру—Москвѣ, служила для нея сердцемъ религіозной и національной независимости.—

Разсмотрѣвъ, по возможности, значеніе Троицкой Сергіевой Лавры въ эпоху до-смутнаго времени, мы перейдемъ теперь къ ея заслугамъ въ «смутное время» и постараемся показать ихъ важность и значеніе для отечества.

Любезное и благословенное отечество наше — Россія, — въ своей исторической жизни, никогда не вынесло столько бѣдъ и страданій, какъ въ извѣстную годину смутнаго времени. Едва только оправилось оно отъ двух-вѣковаго гнета чуждой власти, какъ постигли его новыя тягчайшія бѣдствія. Мы не беремся здѣсь раскрывать причины, подъ вліяніемъ которыхъ развились и усилились эти бѣдствія, скажемъ только, что они были такъ ужасны, что лѣтописцы называли ихъ «гнѣвомъ Божіимъ, навожденіями духа злобы, попущенными отъ Бога за грѣхи русскаго народа» «Было тогда, — говоритъ лѣтописецъ,—такое лютое время Божіяго гнѣва, что люди не чаяли впредь спасенія себѣ; чуть не вся земля русская опустѣла; и прозвали старики это лютое время «лихолѣтіе», потому что

[1]) Соф. т. II стр. 422.
[2]) Истор. Рос. Солов. стр. 112.
[3]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 59 и 68.

тогда была на русскую землю такая бѣда, какой не было отъ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, трусы, моры, звѣри поѣдали живыхъ людей, и люди людей ѣли, и плѣненіе было великое людямъ! Жигомонтъ, польскій король, велѣлъ все Московское государство предать огню и мечу и ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли русской за то, что мы не хотѣли признать царемъ на Москвѣ некрещеннаго сына его Владислава... Но Господь услышалъ молитву людей своихъ, возопившихъ къ Нему о еже избавитися имъ отъ лютыхъ скорбей, и послалъ къ нимъ ангела своего, да умиритъ всю землю и сойметъ тягость со всѣхъ людей своихъ»[1]). Такія бѣдствія, говорятъ лѣтописи, были слѣдствіемъ прекращенія Рюриковой династіи и вступленія на престолъ человѣка, на совѣсти котораго лежало неизгладимое пятно[2]). Поднялись тогда исконные враги Россіи, предъявляя на нее свои притязанія. Польша и Іезуиты дѣйствовали тайно и явно; Швеція обнаружила своекорыстные виды; а казацкая вольница, привыкшая къ своевольной и буйной жизни, свирѣпствовала. Мордва, татары и черемисы и проч. племена азійскія устремились поработить Россію. Между своими порвалась связь и явилась «рознь всѣхъ великихъ царствъ и государствъ великаго московскаго царствія»[3]), по словамъ лѣтописца. Шатость, измѣна, клятвопреступленіе, нарушеніе чести и лишеніе жизни ближняго были тогда обыкновеннымъ явленіемъ. Началась страшная борьба въ русскомъ государствѣ, разразившаяся во всей силѣ въ царствованіе Шуйскаго и окончательно въ такъ называемое, безгосударное время (1608—1613 г.).

Въ это-то время, когда повсюду замѣтно было броженіе и разложеніе, когда государству, казалось, не было никакой возможности выдержать страшную борьбу,—выступила на поприще общественнаго служенія Троицкая Сергіева обитель. Мы видѣли, что она въ періодъ общаго порабощенія служила сильною

[1]) Смутн. вр. Моск. госуд. Костом. т. III стр. 239.

[2]) Разумѣемъ Бориса Годунова.

[3]) Русск. духов. въ смутн. вр. Ряз. Епарх. вѣд. за 1862 г. № 21 стр. 601.

религіозно-нравственною опорою Церкви и отечеству. И теперь, когда благосостояніе отечества было нарушено, и ему угрожала великая опасность,—обитель снова приняла участіе въ его судьбѣ и, дѣйствуя на него своимъ нравственнымъ вліяніемъ и поддерживая его своими огромными матеріальными средствами, [1] явила себя его спасительницею. Прекрасно характеризуетъ заслуги обители и самое время, въ которое она приняла участіе въ судьбѣ отечества,—надпись на ея томбѣ. Она гласитъ такимъ образомъ: «Злоключеніе было отъ поляковъ. По злокозненному коварству римскаго папы съ іезуитами, вымысливъ они Лже-Димитрія, и подъ его именемъ, довели было Россію до края бѣдствій. Обитель сія ко избавленію всѣми образы не токмо спомоществовала, но всѣхъ сыновъ отечества дѣйствія, предпріятія, совершенія духомъ своимъ оживляла. И хлѣбомъ во время глада снабдевала, и многими деньгами нуждамъ отечества помогала. Даже жертвовала и самыми церковными драгоцѣнными утварями. Но и долговременную выдержала осаду, и тѣмъ сѣверныя страны, а чрезъ нихъ и самую столицу и всю Россію предохранила. Притомъ и во всѣ грады изъ сея же обители летали увѣщательныя грамоты, возбуждающія на помощь столицы, кои и воздѣйствовали въ Нижнихъ градахъ, особливо же въ достопамятномъ Нижегородскомъ гражданинѣ, Кузьмѣ Мининѣ. Но и самому, по бури возсіявшему ведру, единодушнымъ избраніемъ царя Михаила Θедоровича, и совершенному мятежей успокоенію, сія же обитель соучаствовала. Ибо и самому миру Промыслъ

---

[1]) Мы не разъ упоминали въ предъидущемъ отдѣлѣ нашего сочиненія объ усердіи къ Троицкой обители князей, бояръ, духовенства и народа. Это усердіе выражалось, конечно, въ пожертвованіи въ монастырь денегъ, драгоцѣнныхъ вещей, селъ, деревень и проч. Какъ велико простиралось богатство обители, можно судить изъ того, что она имѣла въ своихъ вотчинахъ, разбросанныхъ по 15 губерніямъ или, по тогдашнему, областямъ, число крестьянъ, по счету, составленному въ 1752 г., простиравшееся до 92,450 душъ (истор. опис. Тр. С. Лавр. стр. 158). Въ описываемое время число душъ могло быть меньше, чѣмъ показано нами. Какъ-бы то ни было, обитель была богата, и это богатство, какъ увидимъ впереди, послужило ей для благородной цѣли—благотворительности. При ней устроены были страннопріимные дома и больницы, которые постоянно наполнялись благочестивыми посѣтителями, приходившими, для поклоненія св. мощамъ чудотворцевъ Сергія и Никона, со всѣхъ концовъ Россіи.

благоволилъ заключену быть подъ стѣнами сея обители въ селѣ Деулинѣ»[1].

По смерти перваго Лже-Димитрія Польша и іезуиты, не желая отстать отъ своихъ коварныхъ замысловъ истребить въ Россіи православную вѣру и ввести латинство, равно и разорить гражданскій нарядъ Московскаго государства, «вымыслили» съ помощію русскихъ измѣнниковъ—Молчанова, одного изъ убійцъ Ѳедора Годунова, Путивльскаго воеводы Шаховскаго, приверженца перваго самозванца, (похитившаго царскую печать) новаго самозванца, извѣстнаго подъ именемъ тушинскаго вора[2]. Тогда снова взбунтовались и собрались около «вора той же прежде погибшей сѣверской Украйны севрюги и другихъ рязанскихъ и Украйнскихъ городовъ стрѣльцы и казаки, разбойники, воры, бѣглые холопы, прельстили прежде омраченную безуміемъ сѣверскую Украйну и отъ той Украйны многіе и другіе города прельстилися, и кровь православныхъ христіанъ, какъ вода, проливалась»[3]. Къ вору пристали приверженцы перваго самозванца, польскіе и литовскіе люди, подъ главнымъ начальствомъ гетмана Рожинскаго. Среди быстрыхъ успѣховъ, воръ встрѣтилъ сильную преграду въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Видя колебаніе Шуйскаго на тронѣ, повсюду измѣну и волненіе, отпаденіе городовъ и цѣлыхъ областей на сторону враговъ законной власти, обитель рѣшилась упорно, крѣпко и непоколебимо стоять противъ усилій враговъ къ истребленію православной вѣры, раззоренію святыхъ Божіихъ церквей, цѣлости государства и русской народности. Ея грамоты и посланія летали въ Новгородъ, въ Вологду, на край студенаго моря, въ страны Поволжскія, въ Казань, Нижній Новгородъ и даже въ далекую Сибирь. Въ нихъ она приглашала православныхъ защищать законнаго царя, православную вѣру и славу отечества. Города составляли ополченія и собирали деньги для ихъ содержанія. Спѣша въ Москву и

[1]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 30.

[2]) Злов. дѣйств. Іезуит. въ XVI и XVII Лялова, стр. 261 Истор. Росс. Сол. т. VIII стр. 168—171. Ист. госуд. Росс. Карамз. т. XII стр. 68.

[3]) Акт. арх. эксп. № 67 стр. 155.

проходя мимо обители, ополченцы заходили къ мощамъ чудотворцевъ Сергія и Никона, съ благоговѣніемъ лобызали ихъ и, воодушевившись, выходили изъ нея на битву съ Ляхами [1]. Тогда къ «дому великаго чудотворца, говоритъ Палицынъ, вся Россія яко къ солнцу зряще, и на его молитвы концы россійстіи надѣющеся, и противу враговъ крѣпляхуся, а воинствующіи люди вси питаеми были отъ трапезы преподобныхъ чудотворцевъ и для нихъ до конца монастырскую казну истощеваху» [2].

Съ самаго начала появленія вора, обитель, стоя на сторонѣ законной власти, приносила большую пользу своимъ вліяніемъ на народъ. Иноки ея, одушевляемые вѣрою въ молитвы пр. Сергія, дѣлали все, что только могли, съ своей стороны: они повсюду являлись и убѣждали народъ быть въ повиновеніи законному царю и стоять крѣпко противъ его враговъ, а въ грамотахъ своихъ въ станъ вора заклинали отпадшихъ именемъ чудотворцевъ Сергія и Никона отстать отъ прельщеній еретиковъ и богоотступниковъ, возвратиться въ лоно церкви и служить законному, Богомъ дарованному, царю, а не вору, ненавистному врагу православной вѣры. «Повсюду имѣютъ многи совѣтники, и вся грады развращаютъ служащіи симъ и любяще сихъ, и всѣхъ всяко укрѣпляютъ, еже непокорятися величеству твоему, и небрещи о твоемъ благородіи, но служити учатъ царю Шуйскому, печатлѣютъ же всякое писаніе съ лестьными глаголюще: да сохранятъ убо васъ всегда молитвы великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона» говорилъ Лже-Димитрію съ негодованіемъ на иноковъ Сапѣга [3]. Въ одеждѣ ратниковъ они укрывались въ лѣсахъ, по оврагамъ и дорогамъ, нападали на гонцовъ, отправляемыхъ воромъ по Руси, перехватывали обозы съ продовольствіемъ, отправляемые изъ городовъ въ станъ вора, прикрывали обозы царскіе и проч.». На всѣхъ убо путехъ злодѣйствующимъ доброхоты отъ обители уловляемы бываютъ, и того ради совѣтамъ ихъ лукавымъ

[1]) Палицынъ—стр. 54—59. Костомар. смутн. вр. Моск. Госуд. т. II стр. 154.
[2]) Палиц. стр. 58.
[3]) Палиц. стр. 60.

препона велика сотворяется», [1]) и, напротивъ, великій промыслъ бываше отъ обители чудотворца всѣмъ людямъ къ Москвѣ правящимъ, во всякихъ нуждахъ и въ провожденіихъ, и всяку вѣсть тѣмъ подаваху, и отъ нихъ воспримаху, себе убо соблюдающе, и тѣхъ охраняюще» [2]). Обнаруживая среди, такъ сказать, всеобщей измѣны, шатости, холодности и равнодушія къ интересамъ государства примѣръ стойкости, твердости и дѣятельной приверженности къ престолу, обитель, съ одной стороны, поддерживала падавшій духъ Шуйскаго,—съ другой—преграждала самозванцу путь къ Москвѣ. О доблестныхъ подвигахъ ея за вѣру и отчизну свидѣтельствовали и сами враги, которые, чтобы разрушить въ ней преграду для своихъ коварныхъ цѣлей, уже тайно строили, въ свою очередь, противъ нея «дьявольскія козни». «Царь Димитрій Ивановичъ!—говорилъ Сапѣга Лже-Димитрію,—стужаютъ твоему благородству эти сѣдые грай вороны, гнѣздящіеся въ своемъ каменномъ гробѣ! Города и цѣлыя области уже тебѣ покорились; Шуйскій бѣжалъ отъ тебя съ войскомъ, а чернецы ведутъ дерзкую войну съ тобою! Слухъ носится, что ждутъ князя Михаила Скопина съ Шведами; когда они придутъ, то займутъ Троицкую твердыню и могутъ быть намъ опасны. Пока еще они не окрѣпли, пойдемъ, смиримъ ихъ; а если не покорятся, то мы разсыпемъ по воздуху ихъ жилища» [3]). Такимъ образомъ обители много предстояло потерпѣть за крѣпкое свое сопротивленіе противъ ляховъ, которые имѣли на нее и свои виды. Монастырь служилъ средоточнымъ пунктомъ для сношеній столицы съ сѣверными и восточными городами откуда шли ратники на помощь къ Шуйскому, везя съ собою казну и запасы. Слѣдовательно, овладѣть имъ значило занять главный продовольственный путь и заградить его для самихъ русскихъ. Самъ по себѣ монастырь былъ важенъ при настоящихъ обстоятельствахъ: это было обширное и укрѣпленное мѣсто и заключало

[1]) Палиц. стр. 58.

[2]) Палиц. стр. 57.

[3]) Палиц. стр. 60. Костомар. смутн. вр. Моск. госуд. т. II стр. 154. Карамз. Ист. Гос. Рос. т. XII. стр. 113.

въ себѣ удобное помѣщеніе для войска и военныхъ снарядовъ. Воспользоваться богатствомъ монастыря: деньгами, утварью дорогими вкладами, равно и съѣстными припасами и военными снарядами—для Лже-Димитрія было очень важно. Укрѣпившись въ стѣнахъ Лавры и дѣйствуя именемъ ея, какъ уже увѣрившейся въ томъ, будто что онъ есть подлинно спасшійся Димитрій, на народъ русскій, считавшій ее первою святынею на Руси, возлагавшій на нее всю надежду своего спасенія и готовый по ея мановенію встать и ополчиться,—самозванецъ могъ разсчитывать на легкое и вѣрное взятіе Москвы. Стремясь покончить съ Лаврой, воръ двинулъ подъ нее огромное число войска, простиравшееся до тридцати тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Яна—Петра Сапѣги, командовавшаго дружинами польскими, и Александра Лисовскаго, командовавшаго казацкою вольницею; къ нимъ присоединились черкесы, татары и русскіе измѣнники. Поразивъ высланное противъ нихъ войско московское, достойные сподвижники втораго Лже-Димитрія расположились въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ (1608 г. 23 Сентября) [1]).

Обитель могла выставить въ защиту себя: 1) 609 человѣкъ ратниковъ, состоящихъ изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, казаковъ и стрѣльцовъ; 2) въ ней спасалось тогда болѣе 300 человѣкъ братіи, изъ коихъ иные способны были нести воинскіе труды и всѣ заявили свою непоколебимую приверженность обители, отечеству и Церкви; 3) въ монастырѣ было болѣе 1000 разныхъ людей, искавшихъ въ немъ убѣжища,—и 4) небольшое число монастырскихъ слугъ и крестьянъ. Вообще, число всѣхъ защитниковъ Лавры простиралось только до 2500 человѣкъ. Надъ ними воеводами были князь Григорій Борисовичъ Долгорукій-роща и дворянинъ Алексѣй Голохвастовъ [2]). Монастырь былъ обнесенъ каменною оградою съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ. Въ окружности ея заключа-

[1]) Палиц стр. 61. Карамз. Ист. Гос. Рос. 7. XII. стр. 115. Сол. Ист. Рос. т. VIII стр. 228—229.

[2]) Истор. описан. Троицк. Серг. Лавр. стр. 81. Костомар. смутн. вр. Московск. Госуд. т. II стр. 174—175. Солов. Ист. Рос. т. VIII стр. 229.

лось до 642 саженъ; высота ея простиралась до 6 саженъ съ зубцами, а толщина до 3 саженъ. Въ башняхъ устроены были бойницы для пушекъ и пищалей. Онѣ состояли изъ трехъ родовъ: верхней, средней и подошевной. Сверхъ того Лавра была защищена съ южной и западной стороны нѣсколькими прудами, а съ восточной и сѣверной лѣсомъ. Не смотря на это, обитель не могла разсчитывать на прочность укрѣпленій своихъ стѣнъ: еще до осады замѣтили монастырскіе люди и непріятели, что западная стѣна и сѣверная пришли въ ветхость [1]. Хлѣбными запасами Лавра была обезпечена; но такъ какъ мельницы ея стояли внѣ ограды: то молоть рожь, вслѣдствіе осады, было невозможно. Обитель не была обезпечена достаточнымъ запасомъ сѣна и дровъ [2]. Но обитель была богата и тверда вѣрою и защитою «великаго отца и чудотворца, заступника и крѣпкаго молитвенника, скораго помощника и кормителя царей россійскихъ, россійскаго царствія освободителя, преподобнаго и предивнаго въ чудесѣхъ Сергія, и споборателя на враги борющихся съ нами (т. е. съ царями русскими) и поругающихся россійскому царствію»,—такъ выражались о немъ въ своихъ грамотахъ русскіе цари [3]. Архимандритъ Іосифъ явилъ себя благоразумнымъ и сердобольнымъ попечителемъ страждущихъ и блюстителемъ обители Сергія. Келарь Лавры, знаменитый лѣтописецъ отечества, дальновидный и дѣятельный мужъ государства, блюститель вѣры, Аврамій Палицынъ, находился во время осады въ Москвѣ, по волѣ царя и патріарха, и стоялъ тамъ за нихъ усердно противъ мятущагося народа. Присутствуя душею въ обители, онъ дѣлалъ все, что только могъ для ея избавленія отъ враговъ. Мы увидимъ ихъ доблестные подвиги для обители Сергія, отечества и вѣры.

Враги разсчитывали скоро управиться съ монастыремъ, но надежда ихъ не сбылась: иноки и ратники крѣпко взялись

---

[1]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 82. Карамз. Ист. Госуд. Рос. т. XII стр. 112. Костом. смутн. вр. М. Гос. т. 2 стр. 174.

[2]) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 83

[3]) Тамъ-же стр. 113.

защитить святыню. Какъ только ляхи появились подъ стѣнами обители, осажденные съ воодушевленіемъ посыпались на вылазку, побили, поранили многихъ и, счастливо возвратясь, славили Бога. Эта смѣлая вылазка дала, съ одной стороны, почувствовать врагамъ, что здѣсь они встрѣтятъ сопротивленіе, съ другой—возможность жителямъ слободъ предавшихъ свои жилища, по повелѣнію воеводъ, огню, дабы непріятель не могъ ими воспользоваться,—войти въ монастырь [1]. Но отъ многолюдства въ немъ сдѣлалась тѣснота страшная, такъ что люди и скотъ жили на открытомъ воздухѣ, беременнымъ женщинамъ приходилось рождать дѣтей при чужихъ людяхъ, и «никто съ срамотою своею не скрывался» [2].

Сапѣга и Лисовскій, обошедъ вокругъ монастыря и выбравъ удобныя мѣста для приступа, расположились станомъ: первый сталъ на западной сторонѣ, второй на юго-западной. Построивъ остроги съ избами, они, чтобы покрѣпче стѣснить осажденныхъ, поставили вездѣ у воротъ стражу [3]. Между тѣмъ воеводы, архимандритъ Іоасафъ, соборные старцы, ратные люди и всѣ, находившіеся въ осадѣ, принесши моленіе Господу Богу и поручивъ себя заступничеству пр. Сергія, ревностно приготовлялись къ осадѣ: назначили головъ изъ старцевъ и дворянъ, разставляли пушки въ бояхъ по башнямъ и воротамъ, распредѣляли ратныхъ людей, гдѣ имъ биться, и приказали всѣмъ, чтобы никто безъ воли начальства не вступалъ на вылазку. При этомъ мужчины, слабые здоровьемъ, и женщины должны были, въ случаѣ нужды, помогать ратникамъ. Наконецъ всѣ приняли присягу, цѣловали крестъ въ томъ, что стоять имъ въ осадѣ крѣпко и безъ «измѣны» [4].

Желая безъ сопротивленія овладѣть монастыремъ, Сапѣга и Лисовскій въ грамотахъ своихъ (29 Сентября) къ воеводамъ

[1]) Палиц. стр. 61—62.
[2]) Палиц. стр. 63.
[3]) Палиц. стр. 62.
[4]) Палиц. стр. 63—65.

и архимандриту склоняли ихъ обѣщаніями и угрозами къ добровольной сдачѣ. «Пишемъ къ вамъ, жалѣючи васъ, писали они къ воеводамъ, покоритесь царю Димитрію Ивановичу, сдайте намъ городъ, будете зѣло пожалованы отъ царя Димитрія Ивановича, какъ ни одинъ изъ великихъ вашихъ не пожалованъ отъ Шуйскаго; а если не сдадите, то знайте, что мы на то пришли, чтобы, не взявъ его, не уходить отсюда; сами вѣдаете, сколько городовъ мы взяли; и Москва и царь вашъ въ осадѣ. Мы въ томъ ручаемся, что не только будете намѣстниками въ Троицкомъ городѣ, но царь дастъ вамъ многіе города и села въ вотчину; а не сдадите города и мы возьмемъ его силою, тогда уже ни одинъ изъ васъ въ городѣ не увидитъ отъ насъ милости» [1]). Въ грамотѣ же къ архимандриту Іоасафу они, кромѣ того, что мы выше замѣтили, выразили страшное негодованіе и злость на иноковъ, крѣпко и неуклонно стоявшихъ противъ ихъ коварныхъ замысловъ, состоявшихъ, конечно, въ томъ, чтобы поругать гробъ пр. Сергія и расхитить сокровища священныя, пріобрѣтенныя вѣками и потомъ употребить въ свою пользу вліяніе обители на Русь. «Вы беззаконники,—писали они,—презрѣли жалованіе, милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете, и учите въ городѣ Троицкомъ воинство и народъ весь стоять противъ государя царя Димитрія Ивановича и его позорить и псовать неподобно, и царицу Марину Юрьевну, также и насъ. И мы тебѣ, архимандритъ Іоасафъ, свидѣтельствуемъ и пишемъ словомъ царскимъ, запрети попамъ и прочимъ монахамъ, чтобы не учили воинство не покоряться царю Димитрію» [2]). Убѣжденія и угрозы остались тщетными: иноки и ратники стояли непоколебимо и были готовы «пить чашу смертную на трапезѣ кровопролитной за вѣру, отечество и царя: «надежда наша и упованіе,—говорили они,—Святая Живоначальная Троица; стѣна, заступленіе и покровъ нашъ—Пренепорочная Владычица наша Богородица и присно Дѣва Марія; помощники

[1]) Палиц. стр. 67. Костом. см. вр. М. Гос. т. II. стр. 175 и 176.

[2]) Ист. Росс. Солов. т. VIII стр. 231.

наши и молитвенники о насъ къ Богу—преподобные отцы наши Сергій и Никонъ». И въ этомъ упованіи написали они рѣшительный и полный презрѣнія отвѣтъ Сапѣгѣ и Лисовскому. «Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православныхъ христіанъ. Какая польза человѣку возлюбить тьму больше свѣта, и преложить ложь на истину: какъ же намъ оставить вѣчную, святую истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя вселенскими патріархами? или какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего православнаго государя царя и покориться ложному врагу, и вамъ латинѣ иновѣрной, уподобиться жидамъ, или быть еще хуже ихъ? Неизмѣнимъ ни вѣрѣ, ни царю, хотя бы предлагали вы и всего міра сокровища» [1]).

Получивъ такой отвѣтъ, враги обложили Лавру 9 турами на колесахъ, поставленными на сѣверной, западной и южной сторонѣ [2]). Вырывъ глубокій ровъ и насыпавъ широкій валъ между турами, они (3 Октября) начали палить по монастырю изъ 90 орудій: но всѣ усилія ихъ разрушить ограду остались тщетными [3]).

Осажденные въ продолженіи этой пальбы, въ ожиданіи рѣшительнаго приступа, готовились къ сопротивленію: молились, исповѣдывались и пріобщались святыхъ таинъ. Многіе, желая умереть въ иноческомъ чинѣ, постригались. Иноки ревностно помогали ратнымъ людямъ: одни готовили пищу, другіе, находясь на стѣнахъ въ ряду воиновъ и раздѣляя съ ними воинскія трудности, ободряли ихъ именемъ пр. Сергія, иные обходили стѣны съ святою водою, крестами и иконами, благословляя ратниковъ на защиту обители [4])

Испытавъ неудачи, Сапѣга и Лисовскій рѣшились вести подъ монастырь подкопъ. Сидѣльцы въ свою очередь дѣлали

---

[1]) Истор. Росс. Сол. т. VIII стр. 231—232. Ист. описан. Троицк. Сергіевск. Лавры стр. 85.

[2]) Палицынъ подробно описываетъ расположеніе тур. см. стр. 72.

[3]) Палиц. стр. 73—76.

[4]) Палиц. стр. 76.

частыя вылазки и наносили врагамъ ущербъ [1]). Во время одной ночной вылазки (8 Октября) Самъ Лисовскій былъ раненъ [2]).

13 Октября Поляки, Литва и русскіе измѣнники выступили изъ своихъ таборовъ, осадили обитель кругомъ и съ наступленіемъ ночи дружно ударили на приступъ. Осажденные встрѣтили ихъ залпомъ изъ пушекъ и пищалей и отразили съ такою неустрашимостію, что они, съ потерею многихъ людей, принуждены были возвратиться въ свой станъ. Побѣдители утромъ, осматривая поле битвы и найдя щиты и тарасы, потащили ихъ въ обитель и употребили на дрова. Увѣренные въ томъ, что эта побѣда дана имъ отъ Бога по молитвамъ заступника земли русской, они славили Бога, дивнаго во святыхъ своихъ, ходя со святыми иконами по стѣнамъ Лавры [3]).

Въ то время, какъ Ляхи стали терять надежду скоро овладѣть монастыремъ, осажденные, одушевляемые молитвою, увѣщаніями архимандрита Іоасафа, укрѣпляемые вѣрою въ заступленіе пр. Сергія и единодушіемъ, не только мужественно отбивались, но сами нападали на враговъ и наносили имъ уронъ. Когда, такимъ образомъ, непріятель въ небольшомъ числѣ (19 Октября) вошелъ въ монастырскій огородъ, чтобы снять капусту, ему непринадлежащую, нѣсколько ратниковъ, «по своему изволенію», спустились со стѣнъ по веревкамъ, напали на него и съ урономъ заставили бѣжать [4]). Пользуясь этимъ мужествомъ, воеводы рѣшились сдѣлать вылазку съ двухъ сторонъ: одна часть войска должна была биться около конюшеннаго двора, а другая—на Красной горѣ. Когда, такимъ образомъ, иноки, ратники и проч. вышли изъ монастыря, ляхи, въ свою очередь, встрѣтили ихъ съ «яростію»; произошло кровопролитное сраженіе съ обѣихъ сторонъ. Возвращаясь съ поля битвы, сидѣльцы принесли съ собою пострадавшихъ за благочестіе въ обитель, гдѣ сердобольный архимандритъ

---

[1]) Палиц. стр. 77.

[2]) Истор. акт. т. II стр. 211.

[3]) Палиц. стр. 77—80.

[4]) Палиц. стр. 80.

Іоасафъ съ отеческою любовію позаботился умершихъ честно погребсти, а раненыхъ постричь и лечить на счетъ казны монастырской [1]).

Самъ безсмѣнный начальникъ пр. Сергій неотступно пребывалъ въ своей обители «ободряя и охраняя подвизающихся за вѣру и отечество, устрашая враговъ и умножая свои чудеса, дабы, при умноженіи опасностей, не изнемогла надежда спасенія» [2]). Явившись во снѣ пономарю Иринарху (23 Октября) онъ велѣлъ ему сообщить осажденнымъ, что враги готовятся къ новому приступу, и чтобы они «не ослабѣвали, но съ надеждою дерзали». Въ подкрѣпленіе этой надежды, какъ видѣли избранные, «покровитель, молитвенникъ отечества и великій чудотворецъ Сергій» ходилъ по стѣнамъ Лавры, кропя ихъ и зданія святою водою. Въ туже ночь ляхи дѣйствительно сдѣлали нападеніе и успѣли было зажечь острогъ; но предувѣдомленные осажденные, поражая ихъ изъ пушекъ, пищалей и гранатами, принудили ихъ бросить предпріятіе и отступить въ свои окопы. Но и въ нихъ они оставались недолго: (26 Октября) въ день памяти великаго мученика Димитрія архимандритъ Іоасафъ съ братіею и ратными людьми совершилъ крестный ходъ. Увидя на стѣнахъ множество людей и опасаясь нападенія, ляхи, бросивъ закопы, удалились въ таборы свои. Этимъ обстоятельствомъ они дали сидѣльцамъ случай къ успѣшной вылазкѣ. Отслуживши молебенъ Господу Богу, дарователю побѣдъ, иноки и ратные люди вышли на вылазку и одолѣли враговъ на княжескомъ полѣ и благовѣщенскомъ оврагѣ: втоптали роту Сумы, истребили роту ротмистра Герасима съ ея начальникомъ и, взявъ въ плѣнъ ротмистра Брушевскаго, съ торжествомъ возвратились въ обитель. Но радость ихъ смѣнилась печалью: плѣнный Брушевскій на пыткѣ показалъ, что враги подъ монастырь ведутъ подкопъ. Вѣсть эта была тѣмъ ужаснѣе, что воеводы не могли отъ него допытаться: куда именно ведется подкопъ [3]). Они

[1]) Палиц. стр. 81.
[2]) Жит. пр. Серг. послѣ смерт. сост. Фил. м. Моск. стр. 60.
[3]) Палиц. стр. 83—84.

поручили троицкому слугѣ, Власу Корсакову, славившемуся искуснымъ въ землеройствѣ, копать ровъ подъ стѣнами и подъ башнями, а ровъ съ восточной стороны Лавры углубить [1]. Къ довершенію бѣдствій ляхи на одной вылазкѣ, послѣдовавшей 1-го Ноября, убили и ранили искусныхъ ратному дѣлу иноковъ и ратныхъ людей—190 и взяли нѣсколько плѣнниковъ. Архимандритъ Іоасафъ умершихъ, по соборномъ отпѣваніи, предалъ землѣ, а «живыхъ раненыхъ лѣчити повелѣ и покоити монастырскою казною»,—говоритъ лѣтописецъ. Еретики и русскіе измѣнники продолжали тѣснить осажденныхъ пуще прежняго. «Тогда время было, говоритъ Палицинъ, временемъ великой скорби, плача и ужаса: ибо прошелъ вѣрный слухъ, что ведутъ литовскіе люди подкопъ; но куда—никто не зналъ». Въ ожиданіи ежеминутнаго взрыва, всякій, какъ бы видя смерть предъ глазами, готовился къ ней, исповѣдываясь и пріобщаясь святыхъ таинъ. Среди всеобщаго упадка духа одни иноки бодрствовали и мужались въ вѣрѣ. Обходя весь городъ съ проповѣдію, они входили въ дома и утѣшали скорбящихъ такимъ образомъ: «господіе и братіе, пріиде часъ прославити Бога и Пречистую Его Матерь, и святыхъ великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона, и нашу православную вѣру христіанскую: мужайтеся и крѣпитеся, и не ослабляйте въ трудехъ, ни отпадайте надеждею: яко да и насъ помилуетъ и прославитъ всемогущій Богъ—въ скорбехъ и бѣдахъ, нашедшихъ на ны.—Ибо кто пострадаетъ нынѣ во время се, той мученикъ будетъ Господеви своему, понеже пострадаетъ за превеликое Его имя»! Старанія иноковъ возбудить падавшее мужество защитниковъ отчизны и вѣры не остались безплодными. Тогда, вслѣдствіе увѣщаній иноковъ «вси снова охрабришася біющеся крѣпко со враги своими», свидѣтельствуетъ лѣтописецъ [2]. Но утѣшителемъ и укрѣпителемъ скорбящихъ былъ пр. Сергій. Однажды, когда архимандритъ Іоасафъ впалъ въ легкую дремоту отъ изнеможенія силъ, вслѣдствіе долгихъ трудовъ, постоянной молитвы и безсонныхъ ночей, онъ видитъ

[1] Палиц. стр. 85.
[2] Палиц. стр. 86—88.

преподобнаго Сергія молящимся предъ образамъ Святыя Троицы съ воздѣтыми горѣ руками. Обратясь къ Іоасафу, преп. Сергій сказалъ: «бдите и молитеся! Всесильный Господь, по множеству щедротъ своихъ, еще милуетъ васъ и даетъ вамъ время на покаяніе». Явленіе пр. Сергія еще болѣе укрѣпило надежду осадныхъ сидѣльцевъ на помощь Божію [1]. Повторяя вылазки и нанося врагамъ уронъ, защитники обители на одной изъ нихъ (4 Ноября) взяли въ плѣнъ тяжело раненаго казака и отъ него дознались, что ляхи ведутъ подкопъ изъ подгорья по прямой линіи до святыхъ воротъ, и что на «Михайловъ день хотятъ поставить подъ стѣнами и подъ башнями зеліе». Воеводы распорядились копать, противъ указаннаго мѣста, валъ и поставить на него орудія. Ободряя защитниковъ своей обители, св. Сергій устрашалъ ея враговъ. Ночью (того-же дня) поляки, литовцы и русскіе измѣнники видѣли ходящихъ вокругъ обители двухъ свѣтозарныхъ старцевъ, по образу и по подобію угодниковъ Божіихъ Сергія и Никона, изъ коихъ одинъ кадилъ стѣны и ограждалъ ихъ крестомъ, другой кропилъ святою водою, и оба велегласно пѣли стихъ: «Спаси, Господи, люди твоя», — и кондакъ: «вознесыйся на крестъ» и проч., потомъ, обратясь къ осаждающимъ, укоряли ихъ въ коварномъ замыслѣ: «почто стекостеся разорити домъ Пресвятыя Троицы и въ немъ Божія церкви осквернити и ипочествующихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ погубити? Но не дастъ вамъ жезла на жребій свой Господь»! Устрашенные небесными явленіями, многіе въ непріятельскомъ станѣ рѣшились снять осаду. Донской атаманъ Степанъ Епифанецъ, объявивши вслухъ всего войска, что «великій чудотворецъ Сергій являетъ знаменія не на добро: будетъ великое паденіе польскимъ и литовскимъ людямъ»,—удалился отъ обители въ свою отчизну, взявъ съ собою 500 казаковъ [2].

Наступилъ Михайловъ день. Враги, по прежнему, продолжали стрѣлять изъ всѣхъ орудій и пищалей по монастырю. Въ этотъ день нѣсколько ядръ упало въ середину его: одно,

[1]) Палиц. стр. 89.
[2]) Палиц. стр. 91—95. Карамз. Ист. Гос. Рос. т. XII стр. 196.

во время обѣдни, убило старца Корнелія, оторвавъ у него правую ногу, другое оторвало руку съ плечомъ у инокини. Во время вечерни одно ядро ударило въ большой колоколъ, «сплыло» въ алтарное окно Троицкаго собора, пробило доску у образа Архангела Михаила и повредило подсвѣчникъ, стоявшій предъ образомъ Св. Троицы. Другое—прошибло образъ Николая Чудотворца. При такомъ положеніи дѣла, осажденные обратили молитвенные взоры свои горѣ, прося помощи и утѣшенія у заступника русской земли. Въ этомъ горѣ утѣшилъ ихъ настоятель. Изнемогая отъ плача, онъ, во время той-же вечерни, сведенъ былъ въ забвеніе, и видѣлъ Архангела Михаила, сіявшаго лицомъ, какъ свѣтъ, державшаго въ рукахъ скипетръ и устрашавшаго враговъ: «вскорѣ Всесильный Богъ воздастъ вамъ отмщеніе». Первымъ плодомъ этого ободренія было разбитіе главной литовской пушки, вредившей болѣе другихъ монастырю. Послѣ вечерней молитвы явился св. Сергій настоятелю, совершавшему келейную молитву и вздремавшему и сказалъ: «встань и не скорби! Предстоитъ и молится Богу о обители и о васъ Пречистая Богородица съ ангельскимъ ликомъ и всѣми святыми». А на другой день, предъ утреней, старцы Геннадій, Гурій и Кипріанъ и нѣкоторые міряне видѣли, какъ св. Сергій ходилъ по монастырю и будилъ братію къ утренней молитвѣ. Въ храмѣ многіе видѣли и святаго Серапіона, молящагося въ алтарѣ предъ образомъ Божіей Матери [1]).

Ободренные чудесными явленіями, защитники Лавры, отпѣвъ молебенъ у Чудотворца и благословившись у архимандрита, выступили, за три часа до разсвѣта, на вылазку и внезапно, съ разныхъ сторонъ, ударили на враговъ, произнося имя Сергія. Ляхи растерялись и, какъ бы «гонимые гнѣвомъ Божіимъ», побѣжали со всѣхъ пунктовъ; сидѣльцы, перегораживая имъ дороги, били ихъ вездѣ. Въ этой сѣчѣ иноки обнаружили необычайное мужество: сражаясь съ врагами, они въ тоже время всюду укрѣпляли ратниковъ—«стоять крѣпко и непоколебимо въ дѣлѣ святомъ». И такимъ образомъ «вси охрабришася и біяхуся крѣпко». Среди битвы раздавались голо-

[1]) Палиц. стр. 95—99.

са защитниковъ обители: «умремъ, братіе, за вѣру православную».

Поддерживаемые такимъ религіознымъ одушевленіемъ, сидѣльцы бились съ врагами весь день и прекратили сраженіе лишь тогда, когда непріятели ушли въ свои таборы. Побѣдители овладѣли всѣми турами на красной горѣ и взяли 8 большихъ орудій и множество другихъ снарядовъ. Еще вначалѣ этой битвы былъ найденъ подкопъ и взорванъ двумя крестьянами—Шиловымъ и Силотою, которые сами, не успѣвъ во время спастись, сдѣлались жертвою своего великаго подвига. Въ этотъ славный день выбыло изъ числа вѣрныхъ сыновъ отечества до 174 человѣкъ убитыми и найдено до 66 раненыхъ. Потеря непріятельскихъ людей простиралась до 1500 убитыми и до 500 ранеными. Въ обители славили и благодарили Бога за дарованіе побѣды. «Бысть, — говоритъ Палицынъ,—въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ радость и веселіе всему православному христіанству о величіи Божіи, яже сотвори Богъ преславная въ той день. Боголюбивый же архимандритъ Іоасафъ съ братіею повелѣлъ звонити даже и до полунощи: самъ-же со священнымъ соборомъ и со всею братіею во храмѣ св. Троицы молебны пояще; воздающе хвалу и благодареніе возсылающе Богу и Пречистой Богородицѣ, великимъ чудотворцемъ Сергію и Никону, и всѣмъ Святымъ» [1]). Радость обители была радостію всего великаго московскаго государства,—повсюду города, вѣрные Шуйскому, извѣщали другъ друга, что «подъ Троицею воровъ побили на голову, а взяли нарядъ весь, одиннадцать пушекъ, да триста человѣкъ языковъ Литвы, а достальные люди многіе ушли въ воровскіе полки» [2]).

Послѣ этой битвы сподвижники вора долго не дѣлали приступовъ. Между тѣмъ изъ Лавры иноки и ратные люди день и ночь выходили и наносили имъ уронъ. Болѣе отважные между ними, по прежнему выступая изъ монастыря партіями, укрывались по дорогамъ, оврагамъ и въ лѣсахъ и внезапно

[1]) Палиц. стр. 99—109.

[2]) Акт. арх. эксп. т. стр. 205.

нападали на обозы съ продовольствіемъ, которые отправлялись изъ городовъ, вѣрныхъ вору, въ станъ Сапѣги, и отбивали ихъ [1]). Во имя св. Сергія выходили тогда на вылазки и такіе, которые вовсе не были искусны въ ратномъ дѣлѣ. «Охрабрилъ,—свидѣтельствуетъ современное сказаніе,—пр. Сергій и невѣждъ. Безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на воиновъ, опытныхъ и доспѣшныхъ, и побѣждали» [2]). Такимъ образомъ, во время одной вылазки одинъ даточный крестьянинъ, по прозванію Суета, неумѣвшій владѣть никакимъ оружіемъ, бросился съ однимъ бердышемъ на помощь старцамъ Ѳерапонту и Макарію, храбро колотившимъ съ двадцатью другими иноками Ляховъ, и развлекъ силы Лисовскаго, и за то прославился между сидѣльцами ратною доблестью. Въ продолженіе этой сѣчи Лисовскій, пораженный стрѣлою въ лѣвую щеку, упалъ съ лошади и былъ отвезенъ своею дружиною въ станъ [3]).

Постоянно шли вѣсти по русской землѣ московской державы о побѣдахъ «троицкихъ людей надъ литвою и измѣнниками» [4]) и поддерживали падавшій духъ Шуйскаго. Мы встрѣчаемъ въ грамотахъ описываемаго времени частыя сношенія царя съ вѣрными городами, гдѣ онъ то и дѣло приглашаетъ ополченцевъ: «и вамъ бы одноличио поспѣшить, троицкому монастырю помощь учинить; а чаемъ милости Божіей, какъ пойдете, и тѣ воры, которые подъ монастыремъ, не устоятъ, и вамъ будетъ вѣчная слава и похвала, а отъ насъ великое жалованіе и честь пріимете, а будетъ кому и смерть случится за вѣру христіанскую, равно съ мученики вѣнецъ пріиметъ. И вамъ бы одноличио тѣмъ порадѣть, чтобы идти подъ троицкій монастырь» [5]) и проч. Изъ этихъ словъ ясно видно, что Шуйскій, колеблясь въ бурное время на тронѣ, держался за Лавру, какъ за послѣдній якорь своего спасенія, хотя старанія

---

[1]) Палиц. стр. 109—110. Костомар. см. вр. М. Гос. т. II стр. 184.

[2]) Карамз. Ист. Госуд. Рос. т. XII стр. 126.

[3]) Палиц. 110—116.

[4]) Акт. арх. эксп. т. II. стр. 209—213.

[5]) Акт. арх. эксп. т. II стр. 259.

его оказать ей помощь въ настоящее время не увѣнчались успѣхомъ.

Не смотря на неуспѣхъ враговъ и на мужественное сопротивленіе осажденныхъ, положеніе обители время отъ времени становилось затруднительнымъ.

Въ трескучіе морозы не доставало дровъ, и нужно было доставать ихъ «кровью». Между тѣмъ воины, не опасаясь приступа враговъ, которые, вслѣдствіе зимы, заключились въ своихъ закопахъ и уже мало вредили монастырю, отдались внушенію своихъ страстей и соблазнамъ. Отсюда, не довольствуясь монастырскою обыкновенною трапезою, они стали требовать себѣ еще урочнаго хлѣба. И если умные, дѣятельные и трезвые иноки не всегда могли, по причинѣ осады, удовлетворять ихъ прихотямъ, то они прибѣгали къ мѣрамъ насильственнымъ: «сами насильствомъ хлѣбъ выносили изъ келарской, да продавали» [1]). Кроткій архимандритъ Іоасафъ, благочестивый, душезаботливый отецъ—какъ называли его сидѣльцы—много о семъ,—свидѣтельствуетъ Палицынъ,—моляше ихъ: «престаните, господіе и братіе, отъ такого неразсужденія и простоты, и не взимайте чрезъ потребу свою, а иже вземлющіи отъ васъ, не истощевайте въ пустотъ, но со опасеніемъ соблюдайте: не вѣмы бо, на колико время протянется жданія нашего въ осадѣ, и вамъ-же кая польза истощати житницы чудотворца». При этомъ онъ указывалъ имъ на примѣръ терпѣнія въ искусѣ иноковъ, довольствовавшихся на трапезѣ только хлѣбомъ и водою и не имѣвшихъ «ни сна, ни покоя день и нощь и всегда отъ жара пещнаго и отъ дыму куренія они тѣмъ стекаху». Но на дерзкихъ воиновъ не подѣйствовало кроткое увѣщаніе архимандрита: не преставая отъ пьянства и, небрегше увѣщаніемъ, они вопреки глаголаху: велико ли вамъ се, еже взимаемъ излишнее? и аще порока очима вашима, то престанемъ имати, вы же съ сопротивными, якоже хощете, да творите» [2]).

[1]) Акт. арх. эксп. т. II стр. 283.
[2]) Палиц. стр. 123—128.

Но спасительнымъ исправителемъ неурядицъ явился заступникъ земли русской, покровитель обители, пр. Сергій. Разъ, когда воины, потерявъ отъ роскоши и нѣги прежнюю бодрость, съ боязнію выходили на битву противъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, ихъ «встрѣтилъ мужъ свѣтолѣпный, сѣдинами украшенный», шедшій отъ надворотной церкви св. Сергія,—и грозно сказалъ имъ: «что вы трепещете! Если и никто изъ васъ не останется въ живыхъ, Господь не предастъ св. мѣста сего. Не будетъ услышано во вразѣхъ, яко плѣнихомъ обитель Пресвятыя Троицы. Скажите въ обители, что нечисто живущіе во св. мѣстѣ семъ погибнутъ: Господь не нечистыми спасетъ мѣсто сіе, но имени ради Своего безъ оружія избавитъ» ¹). Хотя явленіе чудотворца Сергія образумило ратниковъ, но чего можно было ожидать отъ нихъ и вообще отъ осажденныхъ рѣшительнаго? одни гибли внѣ стѣнъ обители отъ рукъ литовцевъ, поляковъ и измѣнниковъ, другіе—внутри отъ тѣсноты, сырости и гнилой воды, которыя породили страшную болѣзнь—цингу. Къ нимъ присоединился недостатокъ пряныхъ зелій. «Былъ,—говоритъ современное сказаніе,—великій смрадъ не только въ келліяхъ и службахъ, но даже въ св. церквахъ Лавры». У людей начали пухнуть десны; гнили и выпадали зубы; руки и ноги пухли и корчились; у многихъ по тѣлу образовались струпы и раны; въ ранахъ гнѣздились большіе черваки и люди умирали въ ужасныхъ мукахъ! Боясь заразиться, многіе не хотѣли прикасаться къ нимъ. Поэтому «не бѣ служащихъ у многихъ, ни жажду утолити, ни алчущихъ накормити, ни гнойнымъ струпамъ пластырь приложити, ни превратити на страну, ни червія отмыти» и проч. Общую бѣду раздѣляли одни только иноки. Истомленные отъ постнической жизни и частыхъ вылазокъ, они чрезъ силу обходили всѣхъ больныхъ, омывали ихъ раны, подавали имъ пить и ѣсть и хоронили умершихъ. А хоронить приходилось всякій день «съ утра до вечера» при возрастающей смертности. Съ начала въ день хоронили умершихъ человѣкъ по двадцати, а потомъ уже по пятидесяти

¹) Истор. опис. Тр. Серг. Лавр. стр. 92.

и более. Обитель хоронила ихъ на свой счетъ. Сначала платила за «выкопъ» могилы по рублю, а потомъ по четыре и наконецъ по пяти и более. Дѣло приняло наконецъ такой оборотъ, что некому уже было ходить за больными, копать могилы и хоронить умершихъ. Истомились и оскудѣли иноки отъ непрестаннаго хожденія за больными и умирающими [1]).

Чтобы поддержать силы, оставшихся въ живыхъ, людей, настоятель и братія истощали для нихъ казну монастырскую. Когда же въ казнѣ денегъ не стало, они съ братьи собирали «съ кого по рублю, съ кого по полтинѣ, а, въ случаѣ нужды, занимали и давали» нуждающимся [2]). Въ историческихъ памятникахъ отечества сохранились разительные случаи, какъ благочестивые иноки этой обители съ любовію заботились и помогали людямъ, находившимся въ это бурное время въ осадѣ, не имѣвшимъ съ собою никакого запаса. Такъ, наприм. стрѣльцы получили отъ обители «по полтора рубли, ярославцы по три рубли, галичане также, а слуги троицкіе всѣ, на нужду, по рублю и, наконецъ, крестьяне осадные стѣнные по полтинѣ» [3]). Среди этихъ бѣдствій въ обители открылось новое опаснѣйшее зло—измѣна. Нашлись между боярскими дѣтьми измѣнники, которые, нестерпѣвъ сидѣть въ осадѣ, отбѣжали въ лагерь Сапѣги и предлагали ему средство, какимъ образомъ можно взять монастырь. Но ихъ покушенія въ этомъ случаѣ остались безъ успѣха: потому что иноки, вѣрные до смерти блюстители святыни, зорко слѣдили за движеніями враговъ и предупреждали опасности [4]). Видя возрастающія бѣдствія, постоянное уменьшеніе скуднаго числа защитниковъ, которыхъ осталось теперь не болѣе 200 человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ, и опасаясь, чтобы враги, пользуясь положеніемъ обители, не сдѣлали ей какого вреда, настоятель и братія составили челобитную и послали ее къ келарю Лавры Аврамію Палицыну, который тогда находился въ Москвѣ, при Троиц-

[1]) Палиц. стр. 130—134.
[2]) Акт. Истор. т. II стр. 283.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Палиц. стр. 117—123.

комъ подворьѣ. Въ ней они, изложивъ бѣдствія постигшія обитель, просили его ходатайствовать предъ царемъ о высылкѣ свѣжихъ ратныхъ силъ и пороху. Получивъ грамоту, дѣятельный келарь припалъ къ ногамъ царя и крѣпко умолялъ его «оказать помощь дому великаго чудотворца».—«Великая бѣда,—отвѣтствовалъ Шуйскій,—обдержитъ Москву; я не въ силахъ помощь монастырю». Тогда Палицынъ обратился къ «Гермогену патріарху, энергичному, бодрому, крѣпкому адаманту—такъ выражались о немъ города въ своихъ грамотахъ въ бурное время, защитнику церкви и отечества», и выразилъ предъ нимъ, что «если не послать теперь помощи, монастырь не выдержитъ болѣе мѣсяца осады». «На слезы келаря преклонися Ермогенъ»: онъ выставилъ Шуйскому и боярской думѣ великое государственное значеніе Лавры. «Аще взята,—настаивалъ патріархъ,—будетъ обитель преподобнаго, то и весь предѣлъ Россійстій и до океана моря погибнетъ, конечно же и царствующему граду тѣснота будетъ». Царь согласился — и, Февраля 13-го 1609 г., послалъ двадцать пудовъ пороху и шестьдесятъ шесть казаковъ съ атаманомъ Останковымъ, а Палицынъ—двадцать монастырскихъ слугъ. Хотя этотъ отрядъ самъ по себѣ не могъ составить большой помощи, однако и онъ, при крѣпкой надеждѣ и упованіи на помощь чудотворцевъ Сергія и Никона, могъ поддержать угасавшій духъ осажденныхъ.

Цынга все еще свирѣпствовала; враги тоже не дремали. Видя готовность Москвы помогать дорогой для русскихъ сердецъ обители, они усилили свою стражу, чтобы ни въ Лавру, ни изъ Лавры не могла пройти вѣсть. Осажденные, съ своей стороны, дѣлали частныя вылазки и побивали многихъ ляховъ [1]). Утѣшителемъ страждущихъ явился тогда преподоб. Никонъ. Явившись во снѣ пономарю Принарху, онъ велѣлъ, чтобы больные натирали себя вновь выпавшимъ снѣгомъ. И дѣйствительно, изъ больныхъ, «иже вѣру,—по свидѣтельству лѣтописца,—емше, и тѣмъ снѣгомъ терщеся, мнози здравіе получиша» [2]).

[1]) Палиц. 136—137. Костомар. Смутн. врем. Моск. госуд. т. II стр. 188.

[2]) Палиц. стр. 136—137.

Палицынъ, боля душею за обитель, прислалъ (7 Мая 1609 г.) ея защитникамъ грамоту, въ которой увѣщевалъ ихъ «помнить крестное цѣлованіе, стоять противъ иновѣрныхъ польскихъ и литовскихъ людей крѣпко и непоколебимо» и проч. [1]). Онъ подоспѣлъ съ своею грамотою во-время—кстати: осажденные нуждались въ утѣшеніи и ободреніи. Вотъ это-то съумѣлъ сдѣлать «святые живоначальные Троицы Сергіева монастыря вышьестественный и равноангельски житью, честный и душелюбивый и почтенный отъ Бога Аврамлій добротою,—такъ выражались о немъ въ своихъ отпискахъ къ царю Троицкія власти, великій господинъ старецъ келарь Аврамлій Палицынъ». Его краснорѣчивая, исполненная пламенной любви къ обители, вѣрѣ и отечеству грамота пересылалась изъ келліи въ келлію и читалась всѣми съ любовію и одушевленіемъ. Въ ней осажденные находили новое свидѣтельство, что Москва не покинетъ обители въ ея трудныя минуты, коль скоро великій господинъ келарь, который находился, главнымъ образомъ по своей дѣятельности, въ близкихъ отношеніяхъ къ царю и патріарху, печется о ней, и поэтому, слѣдовательно, имъ не слѣдуетъ унывать. Сидѣльцы были утѣшены еще новымъ обстоятельствомъ: архимандритъ, сердечно и душевно болѣзнуя о страстотерпцахъ, для прекращенія ихъ ужасной болѣзни, положилъ создать въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы обыденный предѣлъ; 9-го Мая освятилъ самый престолъ во имя чудотворца Николая и совершилъ молебное пѣніе къ Пресвятой Троицѣ, чудотворцамъ Сергію и Никону и чудотворцу Николаю. «Отъ того дне, говоритъ лѣтописецъ, дарова Господь православнымъ христіанамъ милость Свою, и мнози больніи начаша отъ недугъ своихъ оздравливати» [2]). Среди такихъ обстоятельствъ защитники Лавры должны были вынести новое сильное искушеніе—приступъ. 28 Мая, когда стало вечерѣть, ляхи придвинули къ стѣнамъ монастыря орудія, щиты, тарасы и разныя стѣнобитныя козни и въ полночь открыли ужасный приступъ. Сидѣльцы, которые теперь,

[1]) Мы для краткости приводимъ здѣсь не всю грамоту.
[2]) Палиц. стр. 148—149.

за убылью людей, способныхъ владѣть оружіемъ, состояли по большой части, изъ престарѣлыхъ иноковъ, крестьянъ и женщинъ, обнаружили «крѣпкое и мужественное сопротивленіе»: тогда какъ одни стрѣляли по польскимъ и литовскимъ людямъ изъ пушекъ и пищалей, другіе за недостаткомъ военныхъ орудій или по неумѣнью владѣть ими, метали на нихъ камни, горячую смолу и кидали известь, чтобы «засыпать имъ, по выраженію Палицына, скверныя очеса», иные въ храмѣ возсылали слезныя молитвы къ Богу о «избавленіи града и о помощи на враги». И Господь Богъ, покровитель слабыхъ и немощныхъ тѣломъ и крѣпкихъ вѣрою, дѣйствительно даровалъ осажденнымъ помощь: враги были, въ первомъ часу дня, отражены съ большимъ урономъ, стыдомъ и потерею множества военныхъ снарядовъ [1]).

Отражая враговъ внѣшнею силою, обитель, по прежнему, съ одной стороны, дѣйствовала въ пользу отечества, вѣры и русской народности своими грамотами и посланіями. Такъ мы встрѣчаемъ ея грамоту жителямъ Вохонской волости, предавшимся на сторону враговъ церкви и государства. Въ ней она убѣждала ихъ возвратиться въ лоно Церкви такъ: «грѣхъ ради нашихъ люди смутились и, узнавъ свой грѣхъ, обратились къ Богу, и царю вины свои принесли: вездѣ литовскихъ людей и воровъ имаютъ, а иныхъ побиваютъ; а вы нашему писму не повѣрили: отъ воровства не отстали, по прежнему своему злонравному обычаю, къ Богу не обратились и государевы воли ни въ чемъ не сотворили, аки злые Лютеры, на православную вѣру вооружились, крестьянскую кровь, аки воду, проливаете, не разсуждая будущаго суда Божія» [2]). Съ другой стороны—помогала отечеству своими богатыми запасами и деньгами. Въ то время, когда Москва тоже была осаждена воромъ, хлѣбъ сильно вздорожалъ и народъ, которому угрожала голодная смерть, возмутился противъ царя, требуя его, какъ причину своихъ бѣдствій, низверженія. Въ этомъ крайнемъ случаѣ патріархъ Гермогенъ, защитникъ царя, по-

[1]) Палиц. стр. 149—152.

[2]) Акт. истор. т. II стр. 250 и 251.

волѣ его, обратился къ купцамъ и убѣждалъ ихъ именемъ Бога спустить цѣну хлѣба. Когда увѣщаніе святителя не подѣйствовало на своекорыстныхъ торговыхъ людей, которые пользовались всенародною бѣдою для своихъ выгодъ, Аврамій Палицынъ, согласно съ волею царя и патріарха, отпустилъ хлѣбъ за установленную правительствомъ плату, изъ троицкихъ въ Москвѣ запасовъ. Успокоившійся народъ «воздалъ, по свидѣтельству келаря, благодарственныя хвалы и радостныя пѣсни богоносному чудотворцу Сергію, зане отъ дому его начатся добродѣяніе». Но это спокойствіе продолжалось недолго: купцы, припрятавшіе свои хлѣбные запасы, дали поводъ къ новымъ смутамъ: поэтому обитель въ другой разъ открыла свои житницы, и, въ награду за это, Господь, по молитвамъ пр. Сергія, умножилъ ея хлѣбъ [1]). Еще до осады своей обитель пожертвовала бѣдствовавшему московскому государству 18,335 рублей, а во время осады, когда шведское наемное войско, подъ начальствомъ храбраго Делагарди, друга юнаго спасителя отечества, Михаила Скопина, не хотѣло въ рѣшительную минуту биться съ ляхами за православную русскую вѣру и независимость русскаго народа, вслѣдствіе того, что Москва, по причинѣ истощенія государственной казны, не имѣла возможности уплатить ему во-время обѣщанное жалованіе, Троицкая Лавра, несмотря на крайность собственнаго положенія, послала Шуйскому 2000 рублей [2]).

Между тѣмъ къ врагамъ присоединились новыя силы подъ начальствомъ измѣнниковъ Грамматина, Салтыкова и, разбитаго въ Твери Скопинымъ Шуйскимъ, Зборовскаго. Послѣдній, не испытавъ самъ на дѣлѣ, что значитъ имѣть дѣло съ Лаврою, выразилъ дерзкое негодованіе противъ безуспѣшнаго стоянія подъ нею Сапѣги и Лисовскаго: «что это вы стоите,—говорилъ онъ имъ,—безъ дѣла подъ лукошкомъ? Что стоитъ его взять и воронъ передавить! Это вы по нерадѣнію дѣлаете и хотите взять монастырь истомленною чернію; вы чернь отошлите, да сами идите на приступъ, взявши развѣ Ли-

[1]). Палиц. стр. 188—193.

[2]). — стр. 196—201 Костомар. смутн. вр. Моск. госуд. т. II стр. 262—265.

совскаго казаковъ». Опасаясь скораго прихода страшнаго для враговъ героя Скопина Шуйскаго съ шведами, ляхи рѣшились употребить всѣ свои силы на взятіе обители; для этого, прежде начатія военнаго дѣла, пытались, по прежнему, склонить сидѣльцевъ къ сдачѣ убѣжденіемъ. Ставъ въ виду монастыря, Салтыковъ и Грамматинъ убѣждали защитниковъ его, что Москва, самъ царь и вся понизовая сила находятся въ рукахъ вора, признаннаго ляхами за истиннаго царевича Димитрія, и что поэтому осажденные должны, если не желаютъ себѣ гибели, тоже покориться второму Лжедимитрію. «Господь съ нами,—отвѣчали имъ со стѣнъ обители,—и никтоже на ны: добро убо и красно лжете, но никтоже иметъ вамъ вѣры и нань же пришли, творите; мы же готовы есмы съ вами на брань... И его же во вратѣхъ небесныхъ оправдитъ Господь, той есть творяй и глаголяй правду.» Послѣ тщательнаго осмотра стѣнъ, 31 Іюля, Сапѣга съ многочисленною ратью облежилъ монастырь вокругъ и съ наступленіемъ ночи сдѣлалъ приступъ. Изнуренные сидѣльцы мужественно встрѣтили ихъ и, съ потерею для непріятелей, отразили. «Что,—смѣялись Сапѣга и Лисовскій въ свою очередь надъ несчастнымъ Зборовскимъ,—взялъ лукошко? ты такой храбрый, что же не взялъ его»? Испытавъ неудачу за неудачею, Сапѣга, оставивъ часть войска подъ Лаврою для наблюденія, удалился отъ нея [1]).

Наконецъ сидѣльцы узнали, что Михаилъ Васильевичъ, разбивъ Сапѣгу и Зборовскаго подъ Колязинымъ, и вторично подъ Александровымъ, идетъ къ Москвѣ, чтобы освободить ее отъ осады ляхами. Онъ, по просьбѣ архимандрита, прислалъ для охраненія монастыря свѣжее войско въ числѣ 900 человѣкъ, подъ начальствомъ Жеребцова 28 Октября. Отрядъ Жеребцова не привезъ съ собою продовольствія, и обитель содержала его на свой счетъ болѣе 12 недѣль. Января 4-го герой отечества прислалъ еще 500 человѣкъ съ Григоріемъ Валуевымъ. Тогда соединенными силами защитники обители сдѣлали вылазку, напали съ разныхъ сторонъ на враговъ, одо-

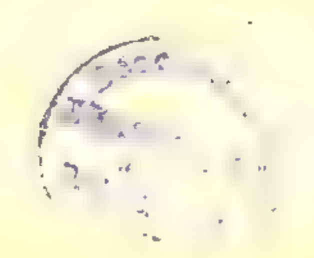
[1]) Палиц. стр. 151—161. Костомар. см. вр. Моск. госуд. т. II. стр. 266 и 267.

лѣли и, отогнавъ ихъ далеко, сожгли лагерь [1]). Это была последняя битва подъ монастыремъ. Изнуренные болѣзнями и тщетными трудами надъ взятіемъ Лавры, Сапѣга и Лисовскій (12-го Января 1610 г.) ушли изъ-подъ нея къ Димитрову. Архимандритъ и братія поспѣшили послать (20 Января) въ Москву къ царю старца Макарія съ вѣстью, что обитель спасена по милости Божіей отъ ляховъ. Это извѣщеніе произвело огромное нравственное вліяніе на обширное московское государство и подало надежду русскимъ людямъ на скорое освобожденіе отъ власти вора... Самъ царь Василій, говоритъ лѣтописецъ, услышавъ о отбѣжаніи литвы отъ Троицкаго монастыря, зѣло возвеселился серлцемъ, благодаря Бога» [2]).

Выдержавъ съ Божіею помощію осаду, обитель сосредоточила все свое вниманіе и заботы на пользѣ церкви и государства, истощая для ихъ спасенія всѣ свои силы и средства. Очищая Москву отъ враговъ, Скопинъ Шуйскій по прежнему терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ запасахъ и не имѣлъ денегъ для уплаты жалованія шведскому наемному войску. Обитель пригласила (въ Февралѣ мѣсяцѣ) къ себѣ всѣ дружины Скопина и Делагарди, и нѣсколько дней угощала ихъ у себя. А прощаясь съ ними и благословляя ихъ на подвигъ очищенія земли отъ вора, снабдила ихъ своими запасами и отдала имъ последнія свои деньги изъ монастырской казны [3]).

Михаилъ Васильевичъ вмѣстѣ съ Делагарди, успѣвъ разбить сподвижниковъ вора и прогнать ихъ далеко отъ столицы, готовился, чтобы довершить торжество Россіи, идти противъ короля Сигизмунда, осаждавшаго тогда Смоленскъ съ намѣреніемъ завоевать для себя Московское государство: но по сильному настоянію народа, искренно желавшаго посмотрѣть на своего спасителя, долженъ былъ измѣнить своему намѣренію и возвратиться въ Москву. Здѣсь онъ, послѣ почестей, оказанныхъ ему царемъ и народомъ, скончался кровотеченіемъ изъ носа. Приписавъ внезапную смерть Скопина Шуйскаго, луч-

[1]) Палиц. стр. 172—176. 178.
[2]) Палиц. стр. 198.
[3]) Истор. госуд. Рос. Карамз. т. XII, стр, 234.

шаго вождя силъ московскихъ, надежды и упованія Руси, ожидавшей отъ него своего спасенія, царскому брату Димитрію и самому царю, народъ, встревоженный за свою будущность, возненавидѣлъ ихъ и неохотно сталъ прямить царю. Къ довершенію своего несчастія, Шуйскій на мѣсто умершаго племянника назначилъ главнымъ воеводою брата своего Димитрія, ненавистнаго за спѣсь и неспособность къ ратному дѣлу для Делагарди. При такомъ положеніи дѣла Шуйскому оставалось одно средство спасенія — обезпечить жалованіемъ войско союзное и русское, которое, въ противномъ случаѣ, не хотѣло сражаться съ врагами. Но въ государственной казнѣ денегъ давно не стало, а Василію, послѣ смерти Скопина, никто не думалъ помогать. Въ этой крайности бѣдствовавшему отечеству помогла опять Троицкая Сергіева Лавра. Она отослала царю всѣ свои вклады прежнихъ царей, великихъ князей и бояръ—золотые и серебряные сосуды и отослала свои сокровища тогда, когда сама нуждалась въ поддержкѣ: нужно было поправить пострадавшія во время осады церкви, стѣны, келліи, службы, мельницы, дворы и проч. [1]). Но обитель Сергія не отступала ни предъ какими пожертвованіями, когда въ нихъ нуждалось любезное и благословенное отечество.

Архимандритъ Іоасафъ, старецъ, изнуренный строгою подвижническою жизнію, бѣдами и опасностями, удалился въ Пафнутіевъ монастырь, изъ котораго взятъ былъ въ настоятели Лавры и здѣсь (5-го Іюля 1610 г.) принялъ мученическій вѣнецъ. Мы видѣли его крѣпкую и непоколебимую преданность пользамъ церкви,отечества и обители, дорогой для русскихъ въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніи, видѣли также его истинное, отеческое попеченіе объ осажденныхъ. Послушаемъ, что говоритъ лѣтописецъ о качествѣ его души. «Архимандритъ же,—говоритъ онъ,—Іоасафъ якоже исперва началъ, такожде и до сего времени (до удаленія его въ упомянутый монастырь) печишеся о бѣдныхъ и нищихъ (которыхъ было не мало въ смутное время), и бѣ око слѣпымъ, и нога

[1]) Палиц.

хромымъ; аще и не своима рукама и ногама, но всѣхъ всячески упокоевая, и безъ слезъ не могій взирати на плачущихъ, и скорбя съ воздыхающими, и всякъ просяй тщема рукама не отхождаше отъ него: оставшіи же иноцы видяще ратныхъ насилованіе, отца же Іоасафа къ бѣднымъ и нищимъ попеченіе, и якожъ прежде о томъ роптаху нань, такожде и до послѣдняго времени, и въ лице тому пришедше сваряху: Боголюбивая же душа прощенія просяше отъ всѣхъ, и тихими словесы наказуя о всѣмъ благодарити Бога, и рече: лутче намъ умрети, нежели престати спротъ миловати, и не оставитъ насъ великій Сергій гладомъ истаяти... Уповавъ вѣрою и не посрамися [1]). На мѣсто удалившагося архимандрита былъ избранъ настоятелемъ обители знаменитый исповѣдникъ духовнаго просвѣщенія, архимандритъ Діонисій, державшій у себя въ тяжелую годину «многи доброписцы,» которые переписывали составленныя имъ и келаремъ Авраміемъ Палицынымъ, уже довольно заявившимъ свою непоколебимую приверженность отечеству и Церкви, грамоты, и разсылали ихъ по русскимъ землямъ. Еще въ санѣ игумена старицкаго монастыря Діонисій часто вмѣстѣ съ патріархомъ увѣщевалъ мятущійся народъ, не смотря на всѣ оскорбленія со всѣхъ сторонъ. Самъ великій адамантъ Гермогенъ, увѣщевая духовенство, не разъ останавливалъ свои взоры на примѣрѣ Діонисія. «Смотрите,—указывалъ онъ на старицкаго архимандрита,—никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ всемірныхъ соборахъ всегда тутъ» [2]). Мы увидимъ далѣе доблестный подвигъ Діонисія, его пламенную, непоколебимую любовь и приверженность къ русской народности и ко всему дорогому и священному для русскаго народа.

Скупой и неискусный въ ратномъ дѣлѣ, Димитрій Шуйскій былъ разбитъ на голову подъ Клушиномъ храбрымъ военачальникомъ польскаго войска Жолкѣвскимъ. Эта побѣда имѣла очень печальное послѣдствіе для царя и московскаго государства. Москва вдругъ была окружена врагами: съ одной сто-

[1]) Палиц. 174 и 175.
[2]) Солов. Истор. Рос. т. VIII стр. 439.

роны готовы были вторгнуться нестройныя толпы тушинскаго вора, съ другой самъ побѣдитель—Жолкѣвскій. Видя это, бояре, нелюбившіе Шуйскаго, возмутились и низвергли его съ престола, не смотря на противодѣйствіе патріарха Гермогена. Чтобы покончить дѣло, сверженнаго царя насильно постригли въ монахи и сослали въ Чудовъ монастырь (17-го Іюля 1610 г.) По низложеніи съ престола Шуйскаго, дѣлами рѣшено было управлять боярской думѣ до избранія законнаго государя. Эта дума рѣшила избрать на русскій престолъ польскаго королевича Владислава. Не разсчитывая однако въ будущемъ на искреннюю преданность Владислава интересамъ государства и православной вѣры, патріархъ, начальный человѣкъ въ безгосударное время, рѣшился вступить въ переговоры съ Сигизмундомъ. Для этого важнаго дѣла нужны были люди «разумные и крѣпкіе, которые бы вирямь стояли за православную вѣру». Троицкая обитель приняла въ этомъ государственномъ дѣлѣ участіе въ лицѣ своего келаря Авраамія Палицына, мужа дальновиднаго, дѣятельнаго, способнаго вести политическія дѣла и постоять за цѣлость православной вѣры,—какъ отзывались о немъ историки. Палицынъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ, стоявшимъ въ челѣ посольства, отправился къ королю, который все еще продолжалъ осаждать Смоленскъ. Явившись къ нему въ лагерѣ, послы били предъ нимъ челомъ, чтобы «отпустилъ сына своего на московскій престолъ, и съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Владиславъ принялъ православіе, отказался отъ всякихъ сношеній съ папою, охранялъ православную вѣру и проч. При этомъ король обнаружилъ «злое умышленіе надъ московскимъ государствомъ: онъ хотѣлъ съ сыномъ имъ завладѣть, раззорить истинную христіанскую вѣру и утвердить на Руси свою латинскую». Видя лукавство короля и предвидя происходящія отсюда дурныя послѣдствія, келарь возвратился въ столицу и извѣстилъ Гермогена о коварныхъ замыслахъ Сигизмунда [1]).

[1]) Солов. Ист. Рос. т. VIII стр. 348—350. Словарь достоп. людей т. I стр. 18. Карамз. Ист. госуд. Рос. т. XII стр. 317.

Между тѣмъ бояре, прельщенные обѣщаніемъ Жолкѣвскаго, впустили, вопреки желанію Гермогена, въ столицу польскихъ людей, которые вскорѣ дали почувствовать москвичамъ, какихъ гостей они приняли. «Въ Москвѣ, говоритъ лѣтописецъ, литва начаше самовольствомъ имѣніе грабити, всякое насилованіе чинити безвозбранно, и святымъ церквамъ и честнымъ мощамъ попраніе дѣяти и людей къ своей прелестной вѣрѣ превращати» [1]). Видя попраніе святынь и оскорбленіе народной чести и свободы, великій патріархъ, новый исповѣдникъ, святѣйшій Гермогенъ,—такъ выражались о немъ москвичи—которые «повѣдали предъ нимъ свою гибель отъ ляховъ,» благословляя всѣхъ и разрѣшая отъ присяги Владиславу, призываетъ всю Русь ополчаться во имя св. православной вѣры для освобожденія страдающаго отечества отъ иновѣрной власти. По мановенію Гермогена, города быстро начали сноситься между собою и составили громадное ополченіе, которое двигалось къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова, воеводы рязанской земли. Вѣсть о движеніи ополченцевъ навела страхъ на поляковъ въ Москвѣ. Зная двигателя возстанія, гибельнаго для ляховъ, они заключили начальнаго человѣка въ безгосударное время въ душную темницу и, приставивъ къ нему польскую стражу, томили его голодомъ.

Искренно любя своего великаго пастыря и благоговѣя предъ нимъ, какъ исповѣдникомъ православія и защитникомъ отечества, православный русскій народъ, какъ узналъ о его кремлевскомъ заключеніи, сильно озлобился противъ поляковъ и взволновался. Въ слѣдствіе этого на страстной недѣлѣ (1611 г.) началась между русскими и поляками страшная рѣзня на улицахъ Москвы. Ляхи истощали свою злость надъ москвичами, еще прежде обезоруженными, погубили болѣе 7000 человѣкъ и наконецъ выжгли всю столицу Китая и Кремля, гдѣ сами спасались. Ужасныя бѣдствія требовали помощи. Она должна была придти вмѣстѣ съ Ляпуновымъ. Но этотъ, не слыша болѣе призывнаго голоса патріарха, медлилъ. Потря-

[1]) Стат. пр. Знаменск. о служеніи Гермогена, патр. Моск. бѣдств. отеч. помѣщ. въ Прав. Собес. за 1866 г. Іюнь, стр. 110

сенныя и истощенныя силы Россіи возстановляетъ и обновляетъ Промыслъ чрезъ обитель пр. Сергія, принесшую уже столько пользы церкви и государству. Довѣріе и любовь къ ней народа, оставшагося теперь безъ государя и безъ пастыря, сдѣлали еще болѣе необходимымъ ея участіе въ судьбѣ отечества и усилили ея дѣятельность. Такимъ образомъ, когда вѣсть о бѣдствіи, постигшемъ Москву, достигла обители, архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицынъ, принесши слезное моленіе Господу Богу о избавленіи отечества отъ сопостатовъ, послали на помощь столицѣ 200 стрѣльцовъ и 50 троицкихъ слугъ [1]). Что значила эта помощь для Москвы? Но въ тяжелую годину и она имѣла свою долю важности. При тогдашней розни, враждѣ и холодности областей къ интересамъ государства, нужно было дѣйствовать на сердца,—чтобы они бились,—примѣромъ усердія и сострадания къ бѣдствовавшему отечеству. Вотъ это-то съумѣла, какъ мы увидимъ далѣе, сдѣлать Св. Троицкая Сергіева Лавра. Вслѣдъ за отправкою ратныхъ людей Діонисій и Аврамій написали трогательныя грамоты къ областямъ, къ Трубецкому Заруцкому, [2]) и Ляпунову. Въ нихъ они заклинали именемъ Бога всѣхъ сослаться между собою, стать всѣмъ за одно противъ польскихъ и литовскихъ людей и поспѣшить къ Москвѣ, гдѣ преданы поруганію и сожженію святыни православныя. Воззванія ихъ имѣли свое благотворное дѣйствіе. Трубецкой и Заруцкій снеслись съ Ляпуновымъ и соединенными силами, въ числѣ ста тысячъ, двинулись къ Москвѣ. [3]) Когда это разнохарактерное ополченіе стало у стѣнъ столицы, Аврамій явился къ нему со святою водою и, окропивъ ею всѣхъ, прочиталъ вслухъ грамоту, написанную имъ самимъ и Діонисіемъ, гдѣ они увѣщевали воеводъ и всѣхъ служилыхъ людей «именемъ вѣры и состраданія къ раззоренной землѣ русской трудиться объ изгнаніи чуже-

---

[1]) Палиц. стр. 216—218. Карамз. ист. гос. Рос. т. XII, стр. 340.

[2]) Трубецкой и Заруцкій, какъ извѣстно, были вождями полчища вора; но когда этотъ погибъ отъ руки крещенаго татарина, Петра Урусова, то они остались безъ вождя и, тронутые просьбами иноковъ, присоединились къ ополченію Ляпунова.

[3]) Палиц. стр. 218-221. Карамз. ист. гос. Росс. т. XII, стр. 340. Словарь достопам. люд. т. I стр. 18.

земныхъ враговъ и русскихъ измѣнниковъ». [1]) Благодаря таковымъ стараніямъ Діонисія и Аврамія, ополченцы дружно осадили враговъ, одолѣли ихъ и, овладѣвъ «бѣлымъ каменнымъ городомъ,» сильно тѣснили ихъ въ Китаѣ и Кремлѣ.

Между тѣмъ обитель по прежнему продолжала царить надъ всею русскою землею подвигами милосердія и любви къ ближнимъ. Въ смутное время «не было, говорится въ житіи пр. Діонисія, кому миловать: ибо всѣ другъ друга угрызали, не было града, ни лѣса, ни пещеры, гдѣ бы можно было укрыться христіанамъ: не только простыя мѣста, но церкви и обители были сожигаемы и оскверняемы; не только міряне, но и священный чинъ, вездѣ скитались, нагіе и босые и томимые голодомъ». [2]) Для такихъ-то и другихъ несчастныхъ скорбящихъ Троицкая Сергіева Лавра обратилась въ богадѣльню. Къ ней, въ особенности послѣ раззоренія столицы, стремились всѣ толпами съ разныхъ сторонъ; стремились бѣглецы, спасаясь отъ казаковъ, свирѣпствовавшихъ въ окрестностяхъ Москвы; сюда тащились изломанные, обожженные и калѣкіе и такіе, у которыхъ носы были отрѣзаны, глаза выколоты, руки и ноги высѣчены, волосы съ головъ содраны и кожи ремни изъ хребтовъ вырѣзаны; сюда везли даже и такихъ, на которыхъ не было видно и образа человѣческаго. Большая часть этихъ мучениковъ стекалась въ монастырь для того только, чтобы, удостоившись св. таинъ, умереть. Повсюду по дорогамъ, въ лѣсахъ и на поляхъ лежали мертвые и стонали живые, особенно обитель и ея окрестности были наполнены человѣческими трупами и умирающими. Видя такимъ образомъ постепенное увеличиваніе жертвъ неистовствъ казацкихъ, польскихъ и измѣнниковъ, не могшихъ уже помѣщаться въ существовавшихъ тогда больницахъ Лавры, архимандритъ Діонисій, «боголюбивая душа, поистинѣ ревнитель по нищимъ и убогимъ,» какъ говорится о немъ въ его житіи, созвалъ келаря и всю братію, предложилъ имъ, что

---

[1]) Палиц. стр. 222. Солов. ист. Рос. т. VIII, стр. 438. Костомар. смутн. вр. Моск. госуд. т. III стр. 142.

[2]) Жит. пр. Діонисія стр. 199.

такая усиливающаяся общая бѣда призываетъ ихъ къ новымъ усиліямъ и пожертвованіямъ для спасенія страдальцевъ, которые сами ищутъ пріюта у великаго чудотворца. «Кто—отвѣчали ему келарь и братія—государь, архимандритъ, въ такой бѣдѣ съ разумомъ сберется? Никому невозможно стало промышлять, кромѣ единаго Бога.» «Вѣдь это,—продолжалъ говорить Діонисій со слезами,—искушеніе намъ отъ Господа Бога: отъ большой осады насъ Господь Богъ избавилъ, а теперь за лѣность нашу и за скудость можетъ насъ и безъ осады смирить и оскорбить.»—«Что же намъ дѣлать?—спрашивали келарь и братія.—Домъ,—отвѣчалъ Діонисій,—Святой Троицы не запустѣетъ, если станемъ молиться Богу, чтобы далъ намъ разумъ: только положимъ на томъ, чтобъ всякій промышлялъ, чѣмъ можетъ.» Иноки единодушно сказали ему: «если вы, государи, будете изъ монастырской казны давать бѣднымъ на кормъ, одежду, леченіе и работникамъ, кто возьмется стряпать, служить, лечить, собирать и погребать: то мы за головы свои и за животы не стоимъ.» [1]) И вотъ,—говоритъ отечественный историкъ Соловьевъ,—пошелъ промыслъ всѣмъ бѣднымъ, живымъ и умирающимъ въ монастырѣ и вокругъ монастыря. [2]) «Такимъ образомъ изъ монастырской казны и вкладовъ, которые остались послѣ смерти умершихъ осадныхъ людей, построены были новые страннопріимные, особые для мужчинъ и женщинъ, дома и больницы въ Лаврѣ и женскомъ пятницкомъ монастырѣ, въ монастырскихъ слободахъ и селѣ Клементьевомъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ иноки трудились день и ночь: тогда какъ одни изъ нихъ работали въ хлѣбнѣ и пекарнѣ надъ приготовленіемъ пищи для больныхъ, другіе разносили имъ платья, деньги и полотенца, иные омывали имъ раны и хоронили умершихъ. Но больше всѣхъ подвизался самъ преп. Діонисій.» Онъ,—свидѣтельствуетъ его жизнеописатель,—не давалъ ни себѣ и ни другимъ покоя ни на одинъ часъ, безпрестанно ухаживая за больными и снабжая ихъ пищею и одеждою, а еще болѣе врачевствомъ духовнымъ:

[1]) Жит. пр. Діонис. стр. 190—192. Солов. Ист. Рос. т. VIII. стр. 439—440.

[2]) Солов. Ист. Рос. см. выше.

ибо многіе отъ тяжелыхъ мукъ желали исповѣдывать грѣхи свои и требовали елеосвященія; иные же, истекая кровью и слезами, просили себѣ напутствія вѣчнаго, и всѣ, въ смертный часъ, пріобщились Божественнымъ тѣломъ и кровью, такъ что никто не отходилъ съ неочищенными ранами, не только тѣлесными, но и душевными [1]. «Обитель нанимала отъ себя людей, кои, безпрестанно разъѣзжая вмѣстѣ съ иноками по окрестностямъ и отыскивая изувѣченныхъ и безпріютныхъ, равно и мертвыхъ, привозили ихъ въ упомянутыя мѣста; а къ больнымъ представлены были врачи съ нужными медицинскими пособіями; наняты были и женщины, которыя мыли и шили бѣлье нуждающимся. Зная, что бѣдствія отечества продлятся надолго, иноки рѣшились сберечь пшеницу и ржаной хлѣбъ для страдальцевъ, ограничивъ себя на трапезѣ однимъ овсянымъ хлѣбомъ и водою [2]. Въ «это лютое время» Лавра хоронила во всякій день отъ 20 до 60 умершихъ, а иногда вразъ, по свидѣтельству сказанія, приходилось погребать по 450—860 труповъ [3]. Можно себѣ представить, какихъ трудовъ и издержекъ должны были стоить самые похороны и уходъ за больными. Вообще же въ теченіе описываемаго времени обитель пожертвовала Московскому государству болѣе 65,655 рубл. и множество церковныхъ сосудовъ и утвари [4].

Пособляя страждущему человѣчеству, обитель не переставала заботиться и о здоровьи всего государственнаго организма. Ополченіе стояло подъ Москвою почти безъ дѣйствія, потому что между предводителями его возникли внутренніе раздоры и смуты: «въ тѣхъ начальникахъ, говоритъ лѣтописецъ, была великая ненависть и гордость: другъ предъ другомъ честь и начальство получить желали, и ни одинъ меньше другаго быть не хотѣлъ, всякій хотѣлъ одинъ владѣть. Прокофій Ляпуновъ не по своей мѣрѣ вознесся» [5]. Но, кромѣ гордости начальниковъ, причиною бездѣйствія войска было

[1]) См. выше Жит. пр. Діонисія.
[2]) Жит. Діонис. см. выше. Епис. Тр. Серг. Лавр. стр. 101—102.
[3]) Жит. пр. Діонисія см. выше.
[4]) Палицынъ стр. 198. Руков. къ русск. цер. истор. пр. Знаменскаго стр. 235.
[5]) Новый лѣтописецъ стр. 138 Истор. Рос. Солов. т. VIII стр. 423.

еще то, что въ составъ чисто народнаго ополченія, въ челѣ котораго стоялъ Ляпуновъ, вошла казацкая вольница, жившая, какъ извѣстно, смутою, подъ начальствомъ Трубецкаго и Заруцкаго. Такая смѣсь чисто народныхъ силъ съ силами казацкими, относившимися враждебно къ гражданскому наряду московскаго государства и еще недавно безсовѣстно грабившими Россію, не могла обѣщать надежнаго успѣха. Такія обстоятельства требовали для очищенія земли усилить ополченіе Ляпунова новыми, чисто народными, проникнутыми религіознымъ чувствомъ любви къ отечеству и православной вѣрѣ, силами. Сознавая это, Діонисій и Аврамій разсылали (въ Іюнѣ 1611 г.) грамоты и посланія во всѣ стороны Россіи: въ Казань, въ Нижній-Новгородъ, въ Вологду, на Поморье, Пермь, даже въ отдаленную Сибирь. Въ нихъ они трогательно излагали бѣдствія отечества и церкви, «допущенныя Божіимъ праведнымъ судомъ за умноженіе грѣховъ всего православнаго христіанства», излагали то, что «въ московскомъ государствѣ учинилось страшное междоусобіе.... единородная кровь безвинно проливается: ибо отецъ на сына и сынъ на отца и братъ на брата возстали, что лучшіе люди измѣнили вѣрѣ и отечеству, преступили крестное цѣлованіе, прельстились латинскою ересью и умыслили страшное злое дѣло съ польскими и литовскими людьми: московское государство выжгли, людей высѣкли и святыя Божіи церкви до конца раззорили и поругали, твердаго адаманта и непоколебимаго столпа, святѣйшаго Ермогена съ престола безчестно изринули, а безчисленную христіанскую кровь пролили, и за всѣмъ тѣмъ призывали всѣхъ православныхъ христіанъ къ единодушному возстанію во имя страждущей вѣры и отечества: помогите, смилуйтесь надъ явною общею погибелью, пока васъ самихъ не постигла таже лютая смерть: пусть служилые люди безъ мѣшканія поспѣшаютъ къ Москвѣ на сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и ко всему множеству всего православнаго христіанства. Сами знаете, что всякому дѣлу свое время, и не своевременное начинаніе всякаго дѣла бываетъ суетно. Если между вами есть какіе недовольны, — все отложите на время для Бога, чтобы всѣмъ намъ съ вами положить единый подвигъ—страдать для избавленія право-

славной христіанской вѣры, покамѣстъ къ врагамъ долгимъ временемъ какая помощь не пришла» [1]. Эти грамоты, проникнутыя горячею любовью и состраданіемъ къ раззоренному отечеству, тронули сердца и возбудили религіозное рвеніе городовъ. По мановенію Троицкихъ грамотъ, Казань, Пермь и проч. города быстро снеслись между собою и цѣловали крестъ «быть имъ всѣмъ въ любви, соединеніи и идти на сходъ къ Москвѣ» [2]. Вскорѣ для очищенія государства пришли ратные люди, дворяне и дѣти боярскіе, изъ Поморскихъ городовъ, изъ Казани, изъ Смоленска, изъ Новгорода и иныхъ многихъ Украинскихъ городовъ и присоединились къ ополченію Ляпунова. Тогда съ помощію свѣжихъ ратниковъ Ляпунову удалось отнять у враговъ всѣ лучшія укрѣпленныя «ворота и сотворитъ имъ великую тѣсноту» [3],—говоритъ Палицынъ. Такимъ образомъ дѣло ополченія, казалось, поправилось. Но видно Промыслу не угодно было увѣнчать успѣхомъ ополченіе Ляпунова. Раздоры и смуты казаковъ достигли высшей степени, и Ляпуновъ погибъ подъ ножами ихъ.

Со смертью главнаго воеводы силъ лучшей половины Россіи, котораго тѣло Лавра похоронила въ своихъ стѣнахъ, несчастіе отечества еще пуще увеличилось. Оставшись подъ хоругвію православной вѣры и московскаго государства и взявши верхъ надъ «земскими людьми», казаки Заруцкаго и Трубецкаго начали производить страшныя раззоренія и убійство по дорогамъ и селамъ; особенно подъ ножами ихъ гибли дворяне и дѣти боярскіе. «Отъ такого казацкаго насилія и позору,—говоритъ лѣтописецъ,—многіе ратники разъѣхались по городамъ своимъ и по домамъ» [4]. Къ большему увеличенію бѣдствій, Сигизмундъ овладѣлъ Смоленскомъ, Швеція Новгородомъ, а во Псковѣ открылся новый воръ. Въ то же время Сапѣга, воспользовавшись разстройствомъ ополченія, успѣлъ войти съ обозами и новыми польскими силами въ столицу и тамъ,

[1]) Жит. пр. Діонисія. Акт. арх. эксп. т. II стр. 328 Костомар. смутн. вр. моск. госуд. т. III стр. 154 Палиц. стр. 222.

[2]) Акт. арх. эксп. т. II стр. 330. Истор. госуд. Росс. Карамзин. т. XII стр. 345.

[3]) Палиц. стр. 223.

[4]) Палиц. стр. 224.

соединившись съ осажденными, сдѣлалъ вылазку и «взялъ большой каменный городъ и остроги всѣ высѣкъ»,—говоритъ лѣтописецъ. Къ осажденнымъ на помощь спѣшилъ и гетманъ Хоткѣвичъ съ двумя тысячами ратниковъ и продовольствіемъ. При такихъ обстоятельствахъ Діонисій и Аврамій заклинали Трубецкаго и Заруцкаго именемъ Бога «не дѣлать православнымъ никакихъ насилій, а стоять за истинную православную вѣру; увѣщевали и ободряли и земское ополченіе: «благонадежнымъ быти и ждати помощи вскорѣ» [1]). Между тѣмъ Хоткѣвичъ успѣлъ осадить Трубецкаго и его товарищей, старавшихся загородить ему путь къ осажденнымъ. Въ этомъ крайнемъ случаѣ Трубецкой чувствовалъ большой недостатокъ въ зажигательныхъ снарядахъ и продовольствіи. Чтобы отвратить эту бѣду, архимандритъ и келарь, за недостаткомъ свинцу и пороху, вынули изъ осадныхъ монастырскихъ орудій и пищалей заряды и вмѣстѣ съ продовольствіемъ отослали чрезъ своихъ слугъ въ станъ Трубецкаго [2]). Въ то же время изъ Лавры посылались одно за другимъ краснорѣчивыя и умилительныя воззванія по всѣмъ угламъ обширнаго Русскаго государства. Одно изъ нихъ, между прочимъ, гласило такимъ образомъ: православные христіане! вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатью, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать въ св. Троицу: возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разореніе учинили они въ московскомъ государствѣ? гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образа? гдѣ иноки, цвѣтущіе многолѣтними сѣдинами, инокини, украшенныя добродѣтелями? не все-ли до конца раззорено и обругано злымъ поруганіемъ? гдѣ безчисленное множество христіанскихъ чадъ въ городахъ

[1]) Палиц. стр. 226.

[2]) Тамъ же стр. 226.

и селахъ? не всѣ ли лютыми и горькими смертьми скончались, безъ милости пострадали и въ плѣнъ разведены? Не пощадили престарѣлыхъ возрастомъ, не сжалились надъ незлобивыми, ссущими млеко, младенцами. Не всѣ-ли испили чашу ярости и гнѣва Божія? Помяните, смилуйтесь и помогите ратными людьми и казною, чтобы собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось» [1]). Этотъ призывный голосъ обители, который, по мѣрѣ того, какъ бѣдствія отечества становились чувствительнѣе, возвышался, дѣлался разительнѣе и умилительнѣе, не могъ не возбудить религіозно-патріотическаго чувства русскаго народа. И, дѣйствительно, онъ вызвалъ своимъ вліяніемъ наружу скрытыя народныя силы и высказалъ явственно потребность и чувство. Находясь подъ тяжкимъ бременемъ смутъ и бѣдствій, народъ имѣлъ въ себѣ еще довольно силы и могъ, по зову обители, стать, какъ одинъ человѣкъ, и пожертвовать всѣмъ своимъ добромъ и самою жизнію для спасенія вѣры и отчизны, которымъ угрожали «конечною гибелью польскіе и литовскіе люди и свои измѣнники». Но прежде чѣмъ могъ обнаружить рѣшительное свое возстаніе и двинуться во имя вѣры, онъ углубился въ свой духовный міръ, чтобы оттуда вынести средство спасенія, обнаружилъ стремленіе очистить себя «для великаго дѣла» отъ настоящаго, смутнаго, опоганеннаго общественнымъ развратомъ времени, обнаружилъ потребность нравственнаго приготовленія, потребность очищенія души покаяніемъ и постомъ. Въ Нижнемъ и Владимірѣ были видѣнія, явленія и откровенія объ этомъ; собрался соборъ духовенства и установилъ трехдневный постъ во всей русской землѣ [2]). «Русская земля,—по выраженію Пр. Знаменскаго,—какъ Ниневія, каялась и нравственнымъ очищеніемъ своимъ приготовляла свое внѣшнее очищеніе отъ враговъ» [3]). Такъ старанія и религіозно-нравственное вліяніе обители возвысили и очистили духъ народа: все было готово и ждало только начала, такъ сказать, только для своего движенія.

---

[1]) Жит. пр. Діонис. Палиц. стр. 226 Ист. Рос. Солов. т. VIII стр. 440 и 441.

[2]) Новый лѣтописецъ—стр. 142—144.

[3]) Руков. къ Русс. церк. Ист. Пр. Знаменск. стр. 235.

Рѣшительное возстаніе обнаружилось въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ большое дѣйствіе произвели троицкія воззванія и гдѣ явился «самъ заступникъ русской земли» пр. Сергій. Въ Октябрѣ 1611 г., въ собраніи лучшихъ людей и духовенства, для совѣщанія, по поводу полученія троицкаго воззванія, земскій староста, Кузьма Мининъ сказалъ: «св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ что будетъ угодно Богу» [1]. Въ соборѣ протопопъ прочелъ воззваніе, и подъ вліяніемъ его увѣщевалъ народъ такими словами: «православные христіане! ради грѣховъ нашихъ, Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики раззорили до основанія Богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить? Не утвердиться ли намъ на единеніе и не постоять ли за чистую и непорочную Христову вѣру» [2]. По выходѣ изъ храма, Мининъ говорилъ народу, возбужденному грамотою: «захотимъ помочь московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, и бить челомъ—кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». Тогда же онъ самъ показалъ примѣръ усердія, сказавъ при этомъ: «тоже и вы дѣлайте всѣ». Ему отвѣчали всѣ единодушно: будь такъ, будь такъ». Начался единодушный сборъ: одни отдавали, что могли, другіе—послѣднее «для великаго земскаго дѣла», по выраженію самихъ земскихъ людей. Пришла одна вдова и сказала: «осталась я послѣ мужа бездѣтна, и есть у меня двѣнадцать тысячъ рублей, изъ нихъ десять отдаю, а себѣ оставляю двѣ» [3]. Обнаруживъ такимъ образомъ примѣръ дѣятельности и самоотверженія, нижегородцы составили ополченіе подъ предводительствомъ, извѣстнаго своимъ мужествомъ и ревностію ко благу отечества, князя Пожарскаго и, «выборнаго всею землею», Минина. Вслѣдъ за тѣмъ нижегородцы разсылали повсюду грамоты съ приглашеніемъ присоединиться къ нимъ «для вели-

[1]) Новый лѣтоп. стр. 144 Истор. Росс. Солов. т. VIII стр. 443.
[2]) Смутн. врем. моск. госуд. Костомар. т. III стр. 243.
[3]) Солов. ист. Рос. т. VIII стр. 444.

каго земскаго дѣла,» писали, что «всѣ города московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ—быть намъ всѣмъ православнымъ христіаномъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, московское государство отъ враговъ очистить» и проч. [1]) Слухи и грамоты о возстаніи Нижегородскомъ встрѣтили всеобщее сочувствіе: отвсюду шли ратники и везли казну. Возложивъ упованіе на Бога, земское ополченіе двинулось къ Москвѣ въ Мартѣ 1611 г. и, возрастая на пути новыми ратниками, въ первыхъ числахъ Апрѣля достигло Ярославля. Узнавъ о возстаніи нижегородцевъ, патріархъ Гермогенъ благословилъ ихъ изъ своей душной темницы, гдѣ вскорѣ враги православія уморили его голодною смертію.

Въ это время подъ Москвой происходили новыя смуты и кровопролитіе. Казаки Трубецкаго и Заруцкаго, предавшись псковскому вору, начали пуще прежняго вмѣстѣ съ ляхами неистовствовать. Разсѣявшись по окрестностямъ столицы, они грабили и разбивали дома, брали себѣ на блудъ благородныхъ женъ и растлѣвали невинныхъ дѣвицъ, раззоряли церкви, обдирали св. иконы и совершали на нихъ скаредныя дѣла, чего православному на умъ не придетъ [2]). Видя такое страшное раззореніе московскому государству, обитель безпрестанно сносилась съ вождями казаковъ, заклиная ихъ именемъ Бога отстать отъ вора и проч. Вслѣдствіе ея увѣщанія Трубецкой и товарищи его прислали къ ней грамоту съ увѣреніемъ, что они «прямятъ» московскому государству и проч. [3]) Не надѣясь на твердость вѣроломныхъ казаковъ и еще болѣе опасаясь Хоткѣвича, подходившаго вторично къ столицѣ съ запасами и многими польскими и литовскими людьми, Діонисій и Аврамій поспѣшили написать къ Пожарскому въ Ярославль грамоту, въ которой, изложивъ происходившее, просили его спѣшить къ Москвѣ, сообщали при этомъ, что князь Трубецкой, «находясь въ великомъ утѣсненіи у воровскихъ заводцевъ, радѣетъ соединиться съ нимъ, чтобы сообща промышлять надъ

[1]) Акт. арх. эксп. т. II стр. 338 и 339 Истор. Рос. Солов. т. VIII стр. 446.

[2]) Солов. Ист. Рос. т. VIII стр. 425.

[3]) Палиц. стр. 129.

польскими и литовскими людьми и надъ тѣми врагами, которые теперь завели смуту», извѣщали его, что «ждутъ отъ него промысла и совѣта многіе города, каковы: Калуга, Серпуховъ, Рязань, Тверь, Торжокъ, Старица» и проч., напоминали также предводителямъ ополченія о необходимости для страждущаго отечества избрать законнаго, природнаго царя. «И вамъ бы,—писали они,— положить на своемъ разумѣ о томъ: можетъ ли и небольшая хижина безъ настоятеля утвердиться, и можетъ ли одинъ городъ безъ властодержателя стоять: не только что такому великому государству безъ государя быть». Но для такого важнаго дѣла они желали напередъ очистить государство отъ «злыхъ заводчиковъ и ругателей», которые дѣлаютъ православнымъ «большія порухи» и, наконецъ, заключили грамоту свою такими словами: «молимъ васъ усердно, поспѣшите придти къ намъ въ Троицкій монастырь, чтобы тѣ люди, которые теперь подъ Москвою, рознью своею не потеряли большаго каменнаго города, остроговъ» [1]). Но Пожарскій, при всемъ своемъ желаніи двинуться къ Москвѣ, не могъ сдѣлать этого: его задерживали, съ одной стороны, дѣла политическія (онъ сносился съ Австріею и Швеціею; у первой просилъ помощи, а вторую занималъ мирными договорами, опасаясь ея нападенія), съ другой—внутреннія смуты и ссоры предводителей ополченія, спорившихъ между собою о старшинствѣ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, ратники худо повиновались своимъ начальникамъ и даже самому Пожарскому. Для прекращенія неурядицъ нужно было примиряющее духовное лице: поэтому архимандритъ и келарь уговорили отправиться къ ополченцамъ бывшаго Ростовскаго митрополита Кирилла, который жилъ въ это время въ обители. Пріѣхавъ въ Ярославль, Кириллъ сталъ укрѣплять людей: «какая ссора начнется у начальниковъ, и тѣ обо всемъ докладывали ему» [2]). Но видно старанія митрополита не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ: потому что Пожарскій все еще не двигался съ мѣста. Между тѣмъ (въ Іюлѣ мѣсяцѣ) движеніе Хоткѣвича сдѣлалось извѣстнымъ и наводило страхъ на войско, стоявшее

[1]) Акт. арх. эксп. т. VIII стр. 331—333. Солов. ист. Рос. т. VIII стр. 428—429.
[2]) Нов. Лѣтоп. стр. 150 Палиц. стр. 230.

подъ Москвою. И Трубецкой то и дѣло просилъ властей Троицкихъ убѣдить предводителей ополченія о скорѣйшемъ ихъ прибытіи въ Москву. Діонисій и Палицынъ послали къ Пожарскому соборныхъ старцевъ съ увѣщаніемъ и даже съ духовными угрозами—не тратить по пустому времени, а спѣшить къ столицѣ. «Вы начали, писали они, — доброе дѣло, и теперь о немъ не радѣете; знайте, что если Хоткѣвичъ придетъ съ большимъ войскомъ и съ запасами подъ Москву, то вашъ трудъ будетъ всуе, и собраніе ваше напрасно» [1]). И послѣ этого Пожарскій «шествовалъ, по выраженію Палицына, косно и медленно». Діонисій и Палицынъ поняли, что на ополченіе Пожарскаго нельзя дѣйствовать посредствомъ грамотъ и пословъ, а надобно въ немъ личное присутствіе одного изъ нихъ. Не смотря на свою старость и физическое безсиліе, Аврамій рѣшился отправиться въ Ярославль. Отпѣвъ молебенъ и взявъ благословеніе у архимандрита и всей братіи, старецъ вышелъ изъ обители 28 Іюля. Прибывъ къ Пожарскому, онъ сталъ увѣщевать ополченцевъ, и старанія его увѣнчались успѣхомъ. Пожарскій выступилъ изъ Ярославля, а Палицынъ оставался при немъ, предупреждая ссоры и миря воеводъ.

Наконецъ—14 Августа—обитель увидѣла, къ великой радости русской земли, въ стѣнахъ своихъ давно жданныхъ гостей: она, принявъ ихъ съ любовію, снабдила ихъ своими крохами изъ запасовъ монастырскихъ, одарила деньгами и отдала самому Пожарскому послѣднія свои сокровища [2]). Отсюда Пожарскій долженъ былъ сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ къ очищенію земли; но въ рѣшительную минуту надъ его ополченіемъ овладѣло раздумье вслѣдствіе грамоты докучливаго Трубецкаго, просившаго чрезъ Діонисія и Аврамія, чтобы ополченіе Пожарскаго и Минина соединилось съ казацкимъ войскомъ для единодушнаго дѣйствованія противъ супостатовъ. Не довѣряя казакамъ, чисто народное ополченіе опасалось сойтись съ ними: поэтому въ немъ подня-

---

[1]) Палиц. стр. 230—231 Смутн. вр. московск. госуд. Костомар. т. III стр. 260.

[2]) Знаменск. Руков. къ рус. церк. ист. стр. 236. Слов. достопамятн. людей т. II стр. 219.

лась рознь: «одни хотѣли, по выраженію лѣтописи, идти подъ Москву, другіе не соглашались, говорили, что казаки манятъ князя Димитрія подъ Москву, чтобы убить его также, какъ Ляпунова» [1]. Видя такое нестроеніе и предвидя происходящія отсюда дурныя послѣдствія, Діонисій и Аврамій убѣждали и умоляли слезно предводителей во имя вѣры и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона идти подъ Москву и тамъ явить подвигъ своего страданія. Увѣщанія и просьбы ихъ были такъ трогательны, что ополченцы «умилились» и, забывъ свой страхъ къ казакамъ, начали готовиться въ путь [2]. Отслушавъ молебенъ у ракъ великихъ чудотворцевъ и принявъ благословеніе отъ Діонисія, ополченцы потянулись длинною цѣпью по направленію къ Москвѣ,—иноки сопровождали ихъ съ крестнымъ ходомъ до горы Волкуши. Достигши горы, войско остановилось и стало подходить ко кресту изъ рукъ Діонисія, который кропилъ его святою водою, какъ вдругъ подулъ противный вѣтеръ и, будучи принятъ за дурное предзнаменованіе, произвелъ робость и уныніе въ ратникахъ. Произнося внутренно пламенныя молитвы къ Богу, Діонисій кротко увѣщевалъ ополченцевъ быть въ надеждѣ на помощь Божію. Какъ только былъ оконченъ священный обрядъ, подулъ попутный вѣтеръ, какъ бы отъ церкви св. Троицы, гдѣ находятся чудотворныя мощи Сергія и Никона. Это возвратило войску его бодрость, и всѣ единодушно обѣщались «помереть за домъ пр. Богородицы и православную вѣру» [3]. Въ такомъ духѣ ополченіе двинулось 18 Августа подъ Москву. Келарь Палицынъ слѣдовалъ въ ряду войска съ прежнимъ своимъ значеніемъ для него [4].

Августа 21-го ополченіе уже было подъ Москвою и расположилось близъ стана казаковъ. Трубецкой безпрестанно приглашалъ Пожарскаго, чтобы земское ополченіе стало въ одномъ таборѣ съ казаками, но получалъ всякій разъ одинъ отвѣтъ: «отнюдь не бывать тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ каза-

---

[1]) Палиц. стр. 232—233 Солов. Ист. Рос. т. VIII стр. 443.
[2]) Палиц. см. выше.
[3]) Жит. Діонис. нов. лѣтоп. стр. 153 и 154.
[4]) Палиц. см. выше.

ками» [1]). Кромѣ недовѣрія была и другая причина, почему ополченіе Пожарскаго отказывалось сойтись съ казаками, причина естественная: сосредоточивая въ себѣ здоровую, свѣжую, чистую половину народонаселенія Россіи, ополченіе Пожарскаго и Минина, съ земскимъ характеромъ, не могло имѣть связи съ больною, зараженною частью народонаселенія, «преже погибшею южною Украйною, имѣвшею стремленія совершенно противныя гражданскому наряду московскаго государства. Порвавъ связь съ больною половиною, здоровая рѣшилась отстоять свою, такъ сказать, самобытность собственными силами и средствами. Но этотъ разрывъ ополченія Минина съ казаками, какъ съ больными элементами государства, былъ въ одно и тоже время дѣломъ полезнымъ и вреднымъ. Полезнымъ—потому, что спасалъ государство на будущее время отъ заразы казацкой; вреднымъ—потому, что велъ при настоящихъ обстоятельствахъ къ большимъ затрудненіямъ—какъ это увидимъ на дѣлѣ. 21-го Августа Ходкѣвичъ, котораго прихода такъ давно боялись Русскія войска, пробирался съ войскомъ и припасами къ осажденнымъ полякамъ и русскимъ измѣнникамъ. Чтобы заградить ему путь, оба ополченія успѣли занять главные пункты по обѣимъ берегамъ рѣки Москвы. Началась стычка. Трубецкой и Пожарскій дѣйствовали не единодушно; поэтому битва шла съ перемѣннымъ счастіемъ. Но во время одной рѣшительной битвы казаки вовсе отказались отъ участія въ ней. Это дало, съ одной стороны, возможность врагамъ одержать верхъ надъ ополченіемъ Пожарскаго, съ другой—почувствовать Пожарскому, что безъ помощи казаковъ ему нельзя разсчитывать на успѣхъ дѣла. При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Пожарскій и Мининъ, не зная что̀ дѣлать, обратились къ келарю, служившему въ это время молебенъ у церкви Иліи обыденнаго, съ просьбою, чтобы онъ убѣдилъ казаковъ къ единодушному дѣйствованію. Палицынъ, «забывъ свою старость», пѣшій, явился къ толпѣ казаковъ, стоявшихъ въ климонтовскомъ острогѣ, и сталъ убѣждать ихъ постоять за благочестіе. «Отъ васъ,—говорилъ онъ,—началось дѣло доброе, вы стали крѣпко за пра-

[1]) Солов. Ист. Рос. т. VIII стр. 443.

вославную вѣру и прославились во многихъ дальнихъ государствахъ своею храбростью: а теперь, братья, хотите такое доброе начало однимъ разомъ погубить»? Убѣжденія и просьбы его такъ подѣйствовали на казаковъ, что они единодушно отвѣчали: «хотимъ, отче, умереть за православную вѣру и не отойдемъ назадъ отъ Москвы, пока враги не будутъ побѣждены; только ты, отче, иди къ другимъ казакамъ въ станъ и умоли ихъ также идти на противныхъ». Обрадованный готовностію казаковъ, старецъ прибавилъ: говорите Ясакъ: Сергіевъ! Сергіевъ! и узрите славу Божію». Казаки такъ и сдѣлали. Келарь пошелъ дальше и, увидавъ на берегу рѣки множество казаковъ, которые готовились перейти на другую сторону рѣки въ свой станъ, началъ умолять ихъ по прежнему. Казаки тронулись и устремились на бой, понуждая другъ друга: «поспѣшимъ, братья, пострадать за имя Божіе». Видя товарищей, бѣгущихъ назадъ, другіе казаки, находившіеся на другомъ берегу, тоже повернули назадъ: одни въ бродъ, другіе по лавамъ, и побѣжали, произнося: Сергіевъ! Сергіевъ! Палицынъ достигъ наконецъ и казацкаго табора, гдѣ было множество казаковъ: одни играли въ зернь, другіе пили. По просьбѣ его и эти, побросавъ всѣ свои забавы, кинулись по слѣдамъ товарищей съ крикомъ: Сергіевъ! Сергіевъ! [1]) Когда, такимъ образомъ, нравственнымъ вліяніемъ Палицына вся казацкая вольница вступила въ битву, подвинулъ и Пожарскій впередъ земское ополченіе: Хоткѣвичъ былъ разбитъ и отогнанъ отъ Москвы, а припасы его достались побѣдителямъ. Теперь оставалось защитникамъ отечества соединенными усиліями покрѣпче стѣснить осажденныхъ, чтобы они сдались; но между казаками и земскими людьми снова встала рознь. Трубецкой требовалъ, чтобы Пожарскій и Мининъ ѣздили къ нему въ станъ для совѣта, но тѣ, опасаясь убійства казаковъ, не соглашались. Въ тоже время казаки подняли ропотъ и шумъ противъ дворянъ: «мы,—кричали они,—голодны и холодны, не можемъ долѣе стоять подъ Москвою, пусть стоятъ подъ нею богатые дворяне». Волненіе казаковъ принимало, наконецъ, такой оборотъ, что многіе изъ нихъ хотѣли побить

[1]) Палиц. стр. 239—240 Солов. ист. Рос. 448—450.

дворянъ и захватить ихъ достояніе. Боясь, чтобы «начатое доброе дѣло не рушилось подъ Москвою», Палицынъ поспѣшилъ отправиться въ обитель и тамъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ, созвавъ всю братію, держали совѣтъ: «какъ дѣлу помочь? денегъ въ монастырѣ не стало, нечего послать казакамъ; какую имъ почесть оказать и упросить, чтобы отъ Москвы нерасходились, не отомстивши врагамъ крови христіанской». Рѣшили наконецъ на томъ, что отправили казакамъ оставшіяся еще нетронутыми церковныя сокровища, ризы, стихари, епитрахили, вышитыя золотомъ и саженныя жемчугомъ—въ залогъ на тысячу рублей и на короткое время. А въ грамотѣ своей умоляли ихъ, чтобы они «подвигъ страданія своего совершили, отъ московскаго государства не расходились» и проч. Такое величіе любви къ отечеству и вѣрѣ тронуло сердца казаковъ: они рѣшились не брать священныхъ сокровищъ, возвратили ихъ и въ грамотѣ своей къ Діонисію и Аврамію обѣщались, что «все, по прошенію ихъ, сдѣлаютъ, какія скорби и бѣды ни пришлось бы имъ терпѣть, все выстрадаютъ, а отъ Москвы не отойдутъ, не взявши ее и не отомстивши врагамъ пролитіе христіанской крови» [1]). Когда казаки изъявили свою готовность стоять крѣпко за отечество и вѣру, уладилось дѣло и между Трубецкимъ и Пожарскимъ. Они разослали по городамъ грамоты, въ которыхъ писали: «были у насъ до сихъ поръ разряды розные, а теперь, по милости Божіей, мы, Димитрій Трубецкой и Димитрій Пожарскій, по челобитію и приговору всѣхъ чиновъ людей, стали за одно и укрѣпилисъ, чтобы намъ Москвы доступать и Россійскому государству во всемъ добра хотѣть, безъ всякой хитрости» [2]). Когда такимъ образомъ стараніями обители Сергія было водворено согласіе и любовь между ополченцами, Москва была исхищена изъ рукъ поляковъ, а Діонисій совершилъ въ ея разоренныхъ стѣнахъ—на лобномъ мѣстѣ—торжественное молебствіе [3]). Торжествуя свою побѣду, воеводы отправили по Руси

---

[1]) Палиц. стр. 242,244 Костом. см. вр. моск. госуд. т. III стр. 277 и 278.— Солов. Истор. Рос. т. VIII стр. 452 и 453.

[2]) Акт. арх. экс. т. II стр. 363 Солов. Ист. Рос. т. VIII стр. 453.

[3]) Палиц. стр. 247.

грамоты, въ которыхъ приглашали православныхъ христіанъ «радоватися и Всемогущему, въ Троицѣ славимому, Богу нашему и Пречистой Его Богоматери хвалу воздати, что Всемилостивый Богъ нашъ надъ общими враги нашими, надъ польскими и литовскими людьми, побѣду и одолѣніе показалъ, царствующій градъ Москву отъ нихъ—злодѣевъ очистили» [1]). Теперь, когда не стало исконныхъ враговъ, нужно было, чтобы вполнѣ увѣнчалось торжество Россіи, избрать для нея царя природнаго, православнаго и русской крови. Явились къ великому господину келарю Аврамію Палицыну, жившему тогда въ Богоявленскомъ монастырѣ на Троицкомъ подворьи, «многія дворяна и дѣти боярскія и гости многихъ городовъ и атаманы и казаки и открыли ему совѣтъ свой и благое изволеніе, принесоша же и писанія своя (о избраніи на московскій престолъ царемъ Михаила Ѳедоровича Романова) и молиша его да возвѣститъ о семъ державствующимъ тогда боярамъ и воеводамъ. Старецъ же о семъ возрадовася, похваливъ благій совѣтъ ихъ... и вскорѣ шедъ возвѣщаетъ всему священному собору и бояромъ и всему царскому синклиту; они же слышавше, благодариша Бога о преславномъ начинаніи» [2]). Но для окончательнаго рѣшенія дѣла ждали «лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей», кои приглашались изъ разныхъ городовъ грамотами. По пріѣздѣ всѣхъ чиновъ, послѣ трехдневнаго, опредѣленнаго соборомъ, поста, въ недѣлю православія, для объявленія съ лобнаго мѣста общаго желанія, въ числѣ немногихъ знаменитыхъ лицъ былъ избранъ Аврамій. Какъ только избранныя особы показались съ лобнаго мѣста, толпы народа, наполнявшія собою Красную площадь, не дождаясь спроса, воскликнули въ одинъ голосъ: «Михаилъ Ѳедоровичъ да будетъ царь государь московскому государству и всея русскія державы».«Се бысть по усмотрѣнію Всесильнаго Бога» [3]),— произнесъ во всеуслышаніе Палицынъ. За всѣмъ тѣмъ снаряжено и отправлено было великое посольство къ царю, съ моленіемъ, чтобы онъ шелъ на свой престолъ. Во ряду этого

[1]) Дополн къ акт. истор. т. I стр. 292.
[2]) Иное сказ. о самозв. врем. кн. 16 1853 г. стр. 132—134.
[3]) Иное сказ. см. выше. Солов. Ист. Рос. т. VIII стр. 458—461.

посольства одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ келарь. Царь и мать его, инокиня Мароа, въ то время, когда послы явились къ нимъ, жили въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Когда мать царя, по долгому моленію пословъ, не соглашалась, ссылаясь на малолѣтство Михаила, ужасныя неурядицы столицы и на измѣны русскаго народа своимъ послѣднимъ царямъ,—отпустить сына на царство, «Троицкій келарь Аврамій веземъ образъ великихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны, принесоша [1]) предъ государыню и рече: виждь благовѣрная великая государыня инока Мароа Ивановна и благовѣрный и благородный великій государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, вижды, что ради шествова съ нами (послами) толикъ путь Пречистая и чудотворная икона и великихъ святителей, и аще на милость не положили здѣ, но сего ради чудотворнаго образа всѣхъ царицы Богоматерѣ и великихъ святителей не мозите преслушати, но сотворите повелѣнное вамъ отъ Бога, воистину бо отъ Бога избрани есте, и не прогнѣвайте всѣхъ Владыку и Бога». Чудотворныя иконы и слезное моленіе келаря тронули государыню: она взяла сына за руку, подвела его къ образу Богоматери и «предъ всѣми рече: се тебѣ Богомати Пречистая Богородице.... чадо мое предаю, и якожъ хощеши, устроиши ему полезная и всему православному христіанству» [2]) и проч. Принявъ имя царя всея Россіи, Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью и въ сопровожденіи всего посольства, двинулся въ столицу и уже (23-го Апрѣля 1613 г.). достигъ обители Сергія, гдѣ прожилъ болѣе недѣли, укрѣпляясь молитвою предъ чудотворными мощами Сергія и Никона. Наконецъ Діонисій (1-го Мая) благословилъ и проводилъ юнаго царя на спасенное отъ бури царство [3]).

Такъ кончилось смутное время въ Русскомъ Государствѣ. Оно прошло надъ русскою землею, какъ сильная буря или какъ «чаша,—по выраженію лѣтописи,—гнѣва Божія», которую Промыслъ судилъ «испить русскимъ людямъ за ихъ

---

[1]) Съ нимъ былъ другой архимандритъ Спасскаго монастыря, державшій икону Богоматери.

[2]) Палиц. стр. 255—260.

[3]) Жит. пр. Діонисія. Палиц. стр. 260—263.

многіе грѣхи». Но эта буря не тронула и не разрушила основаній государственнаго организма, а оказала на него только временное вліяніе. Она, такъ сказать, вырвала изъ него только многіе его нечистые и больные элементы и унесла ихъ съ собою, оставивъ по себѣ много благотворныхъ и освѣжающихъ началъ, подъ вліяніемъ которыхъ государство, на пути своего самосуществованія и саморазвитія, стало, оправившись отъ ударовъ бури, рости и расширяться все больше и больше.—

Но въ этотъ періодъ, въ этой борьбѣ «русскихъ людей» за свою самобытность, нельзя не остановиться съ благодарнымъ вниманіемъ и любовію на св. Троицкой Сергіевой Лаврѣ и не признать за нею великихъ заслугъ. Помогая «русскимъ людямъ» выстрадать свою самобытность,—обитель, въ лицѣ своихъ иноковъ, явила себя также ихъ освободительницею, истощая всѣ свои силы и средства для облегченія ихъ страданій и возбуждая и оживляя ихъ падавшій духъ и угасавшія силы любви къ отечеству и вѣрѣ, своимъ примѣромъ мужества и величайшаго самоотверженія и нравственно-религіознымъ вліяніемъ. «Ея твердыни,—скажемъ словами Стэнли,—ея ровъ и башни послужили въ тяжелую годину благородной цѣли спасенія отечества и вѣры. Монастырь на время былъ всею Имперіею, и его побѣда была освобожденіемъ Россіи» [1].

И дѣйствительно грозные удары смутнаго времени довели Церковь и государство до окончательнаго изнеможенія и истощенія и угрожали имъ совершенною гибелью, пока не ударились о духовный оплотъ обители Сергія и окончательно не сокрушились. Смутное время останется въ Русской исторіи знаменательною эпохою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заслуги Сергіевой Лавры будутъ свѣжи въ памяти благодарнаго русскаго потомства.—

---

[1]) Лекц. по истор. Восточн. церкв. пр. Оксфордскаго Универс. Стэнли.—Прибавл. къ тв. св. Отц. т. XX стр. 399 1861. г.

2007059388